

**АНДРЕС
ИНЬЕСТА**

Я ЭТО ЗАСЛУЖИЛ

Иконы спорта

Андрес Иньеста
Я это заслужил

«ЭКСМО»

2016

УДК 796.332:929 Иньеста А.
ББК 75.578

Иньеста А.

Я это заслужил / А. Иньеста — «Эксмо», 2016 — (Иконы спорта)

ISBN 978-5-699-93824-7

Андрес считается одним из самых загадочных игроков. Редкие интервью и отсутствие скандалов делают его еще более недостижимым для фанатов. Именно поэтому его автобиография является настоящим откровением. Вся жизнь, взлеты и падения, победы и поражения. Он рассказал все. В свойственной ему простой манере, без надуманности и агрессии.

УДК 796.332:929 Иньеста А.
ББК 75.578

ISBN 978-5-699-93824-7

© Иньеста А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	9
Первый тайм	14
I. Бездна	14
II. Фуэнтеальбилья	23
III. Брунете	33
IV. «Ла Масия»	40
V. Папа	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрес Иньеста Я это заслужил

Andrés Iniesta

THE ARTIST: BEING INIESTA

© 2016, Andrés Iniesta

© Качалов А., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2017

Анне

Просто за то, что ты есть, за то, как ты меня любишь, и за то, какой ты человек. Ты вернула мне радость жизни и придала смысл моему существованию. Встреча с тобой была самым волшебным событием, которое только могло со мной произойти; судьба свела нас вместе, чтобы мы могли разделить друг с другом свои жизни. Ты дала мне возможность стать отцом, главой замечательной семьи и помогла почувствовать полноценное, настоящее

счастье рядом с тобой и нашими детьми. Мы уже пережили вместе столько незабываемых, уникальных моментов, но я знаю, что рядом с тобой лучшее всегда впереди.

Моя жизнь не имела бы без тебя смысла, *'Mami'*.

Маме

В жизни у нас только одна мама, а я не мог и мечтать о лучшем примере для подражания в жизни, чем ты. Ты сделала меня тем человеком, которым я являюсь сейчас. А тому, чему ты научила меня, я буду учить своих детей. Ты мой эталон и пример для подражания. Я не могу представить себе, через что ты прошла, когда я, будучи всего 12 лет от роду, покинул дом, чтобы жить в «Ла Масии». Без тебя все то, от чего я получаю удовольствие и радость в жизни, было бы невозможным. Ты всегда была довольна своим местом за кулисами, вдали от света софитов, но на этом свете для меня нет никого другого такого незаменимого, как ты. Мы много пролили вместе слез и много страдали вместе, но теперь я наслаждаюсь каждым моментом, который провожу с тобой, и ценю это очень высоко. Я буду вечно благодарен тебе за все, что ты для меня сделала, мама.

Папе

Ты всегда был моим проводником, моим тренером. Ты – отец, которого мечтает иметь рядом каждый взрослеющий ребенок. Мне было бы очень трудно ценить все то, чего я добился сегодня, и то, как далеко зашел, если бы тебя не было рядом. Ты никогда не мечтал о победах в Лиге чемпионов, на Евро или Чемпионате мира – ты просто мечтал о том, чтобы твой сын стал профессиональным футболистом, и нам это удалось. По пути мы пролили немало слез и немало настрадались, но зато теперь мы оба можем получать удовольствие от достигнутой цели. Я навечно буду благодарен тебе за то, что ты мне дал. И главным образом за те бесчисленные вещи, которым ты меня научил на этом пути, папа.

Марибель

Ты всегда будешь моей девочкой. Жить без тебя целых пять лет было непросто; и пусть мы даже ругались и конфликтовали в молодости, а мне нравилось время от времени тебя поддразнивать, я должен сказать, что лучшей сестры, чем ты, и пожелать себе не мог. У тебя такое большое сердце!

В нас течет одна кровь, и благодаря ей мы ближе друг к другу, чем кто-либо. Я очень тебя люблю, гораздо сильнее, чем ты думаешь.

Я знаю, что ты всегда готова прийти на помощь. Спасибо за то, что ты всегда рядом, «моя девочка».

Валерии и Паоло Андреа

Мои сокровища. Моя принцесса и мой маленький сорванец. Каких замечательных детей подарила нам жизнь! Какое абсолютное счастье! Принцесса нашего дома и его главный чемпион. Вот так парочка!

Однажды вы прочтете эту книгу и поймете очень многое. Вы – мое вдохновение.

Андресу младшему

Как могу я забыть тебя? Люди тебя не знают, зато знаю я. Я знаю тебя и знаю, что ты прекрасен. Пусть ты не рядом с нами во плоти, но ты всегда с нами в наших душах; наш ангел, за жизнь которого мы так сражались и которого никогда не забудем.

Эта биография написана не по общепринятым канонам. Она нетрадиционна. Эта книга гораздо больше книга Андреса, нежели книга Иньесты, – вот так, ни больше ни меньше.

Может показаться, что в этой длинной истории он редко появляется на переднем плане – по сравнению с привычными нам автобиографиями, где главный персонаж выступает в роли супермена, эдакого героя боевика собственной жизни; в таких книгах эпические моменты всегда подаются особенно острым соусом, тогда как страхи и сомнения всегда приглушаются.

Андрес решил подойти к книге иначе. Но даже в те моменты, когда вы не будете видеть его на страницах, знайте: он там. Он в каждой строчке, которые мы начали записывать в 2012 году. Он присутствует на страницах книги гораздо чаще, чем кажется на первый взгляд, а если бы вы спросили у него лично, он, наверное, ответил бы, что его в этой книге слишком много. Что он совершенно точно хотел передать, – это все до единой детали его долгого и терпеливого восхождения на Олимп, добраться до которого ему, как он думал, никогда не удастся.

Даже в самых безумных фантазиях он не мог представить себе карьеру, которую в итоге сделал. Равно как никто и не говорил ему, 12-летнему мальчику, приехавшему в «Ла Масию» и разлучившемуся с родителями, как тяжело и трудно ему будет временами. Футбол, как оказалось, не всегда мог освободить его от оков жизненных трудностей. Впервые он начал бегать с мячом в ногах в Фуэнтеальбилье, в Альбасете, и в действительности он до сих пор поддерживает незримую связь с крохотной испанской деревушкой, которая его стараниями появилась на мировой футбольной карте. Достигнув этой точки своей карьеры, он, капитан «Барселоны» и олицетворение футбольного стиля, покоровшего Европу и мир, – неважно, будет ли это «Барса» Райкарда, Гвардиолы или Луиса Энрике, или сборная Испании Луиса Арагонеса и Висенте дель Боске, – он захотел остановить время, поставить ногу на мяч и оглянуться в прошлое.

Всем читателям, ожидающим прочитать типичную автобиографию футболиста, вынуждены принести свои извинения – вас ждет разочарование. Не вините его; ответственность за это лежит на нас. Но Андрес, как это обычно бывает, когда он играет в футбол, думал о других. Он хотел, чтобы миру была рассказана история о том, как с бетонной площадки его школы в провинции Ла Манча, никогда не имевшей никаких футбольных традиций, он попал на «Камп Ноу», на «Соккер-Сити», на «Уэмбли» и «Стэмфорд Бридж». И он хотел, чтобы эту историю поведали члены его семьи, друзья, тренеры, партнеры по команде и соперники.

Андрес захотел сыграть ту же роль в написании этой книги, какую играет на поле. Он подхватил мяч и начал пасовать, ассистировать, а узнав какие-то неизвестные подробности собственной жизни, открытые ему другими, испытал приятное удивление. Он никогда не спускал глаз с мяча в этой долгой игре. Он был на каждом шагу этого пройденного пути. Мы говорили со многими людьми, а он был нашим проводником по каждому матчу, будь то Лига чемпионов, Ла Лига, Чемпионат мира или Евро, остановки в отелях или тренировки. Двери нам всегда были открыты – все и каждая, вплоть до самых тяжелых. «Если это для Андреса, никаких проблем, только назначьте время» – эти слова мы слышали от своих собеседников постоянно. Даже самое плотное расписание не могло нам помешать. Если сначала не находилось свободного времени для встречи, мы находили возможность связаться с людьми во время поездок, по телефону, почте, через сообщения в WhatsApp – мы искали любые решения. Все эти методы служили нашей цели – получить откровенные свидетельства людей, и для этого мы потратили долгие часы, ведя беседы, участие в которых было настоящей привилегией для нас. А Андрес, бывший главным персонажем повествования, был одновременно нашим продюсером и гидом, помогавшим нам освоиться на огромной и новой для нас территории.

Нам потребовалось четыре года, чтобы завершить работу, но если бы решать мог только он, книга бы до сих пор не была бы закончена. Он всегда находил (и до сих пор нахо-

дит) нового человека, которому мы могли бы позвонить, или новую историю, которой он хотел бы поделиться с нами. Эта книга – новый способ взглянуть на очень необычного футболиста, многие слои жизни которого до сих пор предстоит открыть: снимим один – и увидим, что под ним следующий. Но эта книга – не просто книга о футболисте, пусть его волнующее путешествие и пересекалось с путем «Барселоны» и сборной Испании. Эта книга об Андресе-человеке, одержимом достижением идеала во всем и стремлением все делать правильно. И когда мы говорим «все», мы подразумеваем *все*. Начиная от шрифта текста и цвета обложки книги, которую вы держите в руках, до подбора правильного названия английской версии, которое пришлось бы ему по вкусу.

Найти подходящее название было непросто, и в конечном итоге мы остановили свой выбор на названии *The Artist*, которое отлично иллюстрирует эту историю о том, как он «играл» в свою жизнь. Всегда изобретательно, пышно, с почти что сверхъестественным пониманием законов времени и пространства.

Вот почему мы утверждаем, что эта книга – *его* во всех смыслах. Мы, наверное, сделали бы ее другой. Наверное. Но это не наша книга, это книга Андреса. Он всегда хотел, чтобы блистали другие. Мы старались, работая над тем, чтобы так и произошло, и никогда не теряли мяч – его мяч, мяч, который он бросил себе под ноги, будучи мальчиком из Ла Манчи, и который до сих пор ведет на матчах «Барселоны» и сборной Испании.

Рамон и Маркос

Пролог

Препятствия, встречающиеся на нашем пути, помогают нам увидеть жизнь с другой стороны и подняться после их преодоления с еще большей внутренней силой.

Марк Аврелий, римский император

Если вы загуглите «Андрес Иньеста» и прочтете материалы, которые выдаст вам поисковик, вы можете решить, что знаете обо мне все.

Вы и тысячи других людей, конечно же, за секунду узнаете все о моей жизни. С той лишь оговоркой, что на самом деле нет. Существует масса вещей и фактов, которые не освещались нигде. О других я бы хотел рассказать вам в контексте или в правильном порядке. Я верю в старую поговорку, которая гласит, что каждый человек должен стать родителем, посадить дерево и написать книгу. К счастью, дочь и сын у меня есть; моя футбольная карьера всегда будет ассоциироваться с деревом, растущим на детской площадке в Фуэнтеальбилье, где я когда-то играл; так что мне осталась только книга, эта книга – *The Artist*.

Я отношусь к вещам очень серьезно. Если я настроился сделать что-то, я делаю это, потому что по-настоящему считаю это правильным и необходимым, я не буду делать что-либо ради самого факта или потому, что считаю, что это может положительно повлиять на мой образ. Так что я написал эту историю с тем же убеждением, желанием и стремлением, которые руководят мною, когда играю в футбол или забочусь о своей семье. Я хотел, чтобы текст этой книги был «скроен по моей мерке». Я хотел, чтобы он получился таким, каким я его представлял в своем воображении. Я хотел, чтобы у истории были структура и основа, я не хотел, чтобы книга превратилась в бесконечный поток сантиментов и воспоминаний. А для этого мне понадобилась помощь людей, которые знают меня и которые умеют интерпретировать мои чувства; люди, знающие подробности моей карьеры и способные выразить мысли, которые я записывал на бумагу с тех пор, как в мае 2012 года начался процесс написания книги.

Написание заняло так много времени потому, что я не хотел ставить себе никаких конкретных сроков или привязывать ее публикацию к какой-то определенной точке своей карьеры в «Барселоне» или в сборной Испании – это решение было продиктовано сугубо личными, а не коммерческими мотивами.

Опыт, который я хотел раскрыть читателю, было необходимо правильно понять тем, кто собирался помочь мне написать эту книгу. В лице Маркоса Лопеса и Рамона Бесы я нашел двух людей, которым мог доверить составление этой истории: они оба журналисты, хорошо знающие мою карьеру как в «Барселоне», так и в сборной, они отлично разбираются в футболе. Не просто наборщики текста или нанятые авторы, а профессионалы, которым можно доверять. Люди, которым я мог раскрывать секреты, ничего не боясь и не стесняясь, не переживая, что материал может быть использован неправильным образом; кроме того, я знал, что каждый, кто внес свой вклад в эту книгу, примет этих людей и будет готов говорить с ними.

Я не знаю никого, кто лучше подходил бы для этого задания, чем Маркос Лопес, очень трудолюбивый журналист и замечательный человек. Он идеально дополняет собой Рамона Бесу, который всегда решительно настроен найти смысл, задать истории правильный тон и рассказать ее в стиле, соответствующем личности протагониста. Мы втроем составили команду, работавшую на одном условии: мы напишем книгу без посредников и не будем выпускать ее в свет, пока она не будет написана нами до конца. Обязанность вести переговоры с издателями мы возложили на Пере Гвардиолу и Жоэля Борраса. Так все и шло вплоть

до того момента, как Nachette и Malpaso приобрели права на работу. Также нам повезло, что переводчиками с испанского на английский стали Сид Лоу и Пит Дженсон, хорошие наши друзья, а Малькольм и Хулиан, редактировавшие испанскую и каталанскую версии, внесли значительный вклад в редактуру и улучшение этой книги.

Собирая воедино историю для книги, я наверняка сам того не желая, кого-то забыл, а может быть, среди читателей найдутся те, кто пожалуется на недостаточную критичность оценок или упрекнет меня в том, что я не упомянул определенных персонажей. Но я хочу сразу прояснить: книга вышла такой, какой я хотел ее видеть. Это моя книга, и ее финальная версия, ее композиция принадлежат мне, а не моим соавторам, которые, я уверен, в некоторых моментах предпочли бы поменять историю или иначе расставить в ней акценты. Я хотел объяснить то, как вижу или, если так вам будет проще, как чувствую некоторые важные вещи, и показать, каким видят меня люди, которые, на мой взгляд, хорошо меня знают. Я разобрал свою жизнь на составные элементы, разбил ее на главы, чтобы читателю было проще уследить за развитием истории. Вопрос никогда не стоял так: я должен сочинить роман – нет, дело было в стремлении сконструировать, собрать воедино журналистские записи о моей жизни и карьере.

МОЯ СТРАСТЬ К ФУТБОЛУ ВСЕГДА БЫЛА ДВИЖУЩЕЙ СИЛОЙ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Мне почти нечего сказать о вещах, которые – хотя они и могут представлять интерес для определенных людей – я считал всем известными и уже изложенными в каких-то других источниках. Я говорю о своей каждодневной жизненной рутине и своих привычках. Хорошо известно, что я люблю проводить время с семьей, с Анной, Валерией и Паоло Андреа, а также с родителями и сестрой Марибель. Я не могу возвращаться в деревню так часто, как хотелось бы, но мне нравится то драгоценное время, что я провожу с бабушкой и дедушкой, своим дядей Андресом, с которым перед каждой предсезонкой вместе бегаю, и другими дядями, тетками и кузенами, даже несмотря на то, что некоторые из них живут аж в Альмерии или на Майорке. Мне нравится водить Валерию в школу и забирать ее оттуда, нравится видеть ее заразительную улыбку. Нравится проводить время с моим маленьким хулиганом Паоло Андреа. И я обожаю проводить время с Анной. Когда получается, мы стараемся выбираться куда-нибудь, чтобы что-нибудь вместе поделать: отправляемся на ужин в разные новые рестораны, ходим на прогулки. Иногда в кино. Музыка? Estopa все еще моя любимая группа: мне нравятся их песни и личности самих музыкантов группы, а кроме того, я в большом долгу перед Алексом де Гуирьором, который создает для меня музыкальные миксы, смешивая все понемногу – реггетон, хаус, испанскую поп-музыку, – так что в моем распоряжении всегда есть эклектичная подборка музыки. Ну а также, будучи спортсменом, который старается держать себя в тонусе, я люблю поспать, чтобы чувствовать себя хорошо отдохнувшим.

Однако я никогда не имел желания написать книгу о таких банальных, каждодневных вещах. Вместо этого я хотел поведать о своей страсти к футболу – страсти, захватившей меня, когда я еще был мальчиком. Маркос и Рамон иногда говорят мне, что я был маленьким мальчиком без детства. Понимая их слова, я все же хотел восстановить это детство, написав о нем, и попытаться в процессе показать, что я очень горжусь этим мальчиком. Был ряд эпизодов, переживать которые заново было нелегко и отнюдь не приятно – касались они как молодых моих лет, так и более поздних, как, например, моменты, предшествовавшие Чемпионату мира в ЮАР. Но я постарался раскрыть и объяснить их максимально искренне, так, как я переживал их сам, не придумывая «правильный» способ изложения их в тексте.

Уезжать из Фуэнтеальбильи в «Ла Масию» было очень и очень непросто – это факт. Мне потребовался год, чтобы обжиться и обустроить свою жизнь в резиденции, но в итоге

все вышло так, что у меня там появилось свое место в библиотеке, своя комната, свой шкаф, где я хранил свои вещи и сладости. Я любил пирожные, которые привозили мне родители, и бисквитный торт, что готовила бабушка Жорди Месальеса, кусочки которого мы неизменно макали в шоколадное молоко, перед тем как пойти спать. От «Ла Масии» у меня остались замечательные воспоминания. Одно, особенно дорогое моей семье, было связано с Жоаном Сесаром Фарресом, директором «Ла Масии», который выбрал меня представлять клуб на встрече с Иоанном Павлом II, приуроченной к столетию ФК «Барселона». Мама купила мне новый костюм, и в тот раз я принял первое причастие.

Иногда душа зовет меня в Фуэнтеальбилью. Там *мой* дом. Там живет добрая часть членов моей семьи, там знакомые соседи, там наш виноградник и все те жители деревни, что прожили там всю жизнь и видели мое становление. Мне нравится помнить о том, откуда я родом, но не меньше, чем говорить, что теперь я и отсюда, из Барселоны. Иногда мне нравится погрузиться в размышления и покопаться в своих чувствах. Человек должен знать, кто он такой, и уметь позаботиться о тех, кто рядом: для меня это Анна, мои дети, родители, сестра Марибель. Мы должны уметь приглядывать за теми, кто нас окружает, чтобы они не чувствовали себя одиноко, пусть даже время от времени каждый из нас ненадолго погружается в одиночество.

Я не такой уж тихоня, каким меня представляют люди. Неправда, что я никогда ни с кем не ссорился и никогда не соревновался в дисциплине «у кого громче глотка». Люди, которые хорошо меня знают, даже обвиняли меня в том, что я порой излишне властный или что пытаюсь организовать их жизни. Но мне нравится слышать, когда люди говорят: Андрес знает, как собрать семью вместе и как найти нужных людей для работы. Я очень упрямый, и я естественным образом начинаю бунтовать, когда кто-либо говорит мне, что я не могу заполнить то, чего хочу.

Кроме того, я очень благодарный человек и я хотел бы донести это до всех в этой книге. Я благодарен каждому, с кем работал в сборной Испании, и за все, что пережил в начале своего пути в «Альбасете». Я благодарен своей семье и «Барсе». Я не буду выделять каких-то директоров или президентов по отдельности. Я предпочитаю выражать свою благодарность клубу в целом, и в этих словах отражается благодарность всем директорам, с которыми я работал. Для меня лучший способ продемонстрировать любовь к клубу – с честью носить его футболку, быть хорошим партнером по команде, отдавать всего себя на поле в каждой игре и всегда представлять клуб как институт, с честью и преданностью его идеалам. Это, как мне кажется, я делал с самого первого своего дня здесь, даже когда был всего лишь мальчиком, подающим мячи из-за рекламных щитов, которые были больше меня самого и не давали разглядеть моих кумиров на поле. Ничто не мотивирует меня сильнее, чем попытки сделать клуб и страну максимально успешными, настолько, насколько это возможно.

ЕСЛИ БЫ Я РОДИЛСЯ ЗАНОВО, Я БЫ ИГРАЛ ТОЧНО ТАК ЖЕ.

Я глубоко уважаю свою профессию. Уважаю партнеров по команде и соперников. И уважаю тех, кто смотрит матчи. Моя преданность делу абсолютна, я никогда не пытаюсь никого обмануть. Мне нравится, что люди мне аплодируют, и делают они этого не из учтивости, а потому, что искренне испытывают эти чувства. Лучшее ощущение, какое только может испытать игрок, – это ощущение того, что ты отдал все и никого не подвел.

Эта книга также служит доказательством того, что мне нужно иметь возможность выражать себя, что мне нужно получать подтверждение правильности своих решений, как сказано во фразе, которую видит каждый, кто входит в мой дом: «Препятствия, встречающиеся на нашем пути, помогают нам увидеть жизнь с другой стороны и подняться после их преодоления с еще большей внутренней силой». Иногда нам нужно освободиться от оков, но это можно сделать только в том случае, если мы сначала осознаем, что закованы в них.

Моя страсть к футболу всегда была движущей силой моей жизни, и теперь лучше, чем когда-либо, я ощущаю, что мне крупно повезло быть капитаном команды и слышать благодарности от тех, кто помогал мне получать от жизни удовольствие, тех, кто протягивал мне руку помощи и жертвовал собой, чтобы я мог посвятить себя любимому делу, быть тем, кем хотел быть, в составе лучшей команды мира. Это привилегия. Нет ничего лучше в том, чтобы делать свою работу, получать признание за нее, а потом благодарности от тех, кто ее оценил. Это бесценно. Мы выиграли столько трофеев, даже смогли сделать два трепла в течение шести лет, а хотим выиграть гораздо больше. Как бы невероятно это ни звучало, но наша жажда успеха не утолена, она не прошла и все так же движет нами.

Маркос и Рамон часто просили меня специально для книги рассказать, каково это – находиться в окружении шести-семи соперников, что я чувствую в этот момент. Иногда они спрашивали у меня, не напоминает ли мой собственный стиль игры стиль Роджера Федерера – скоростью и синхронностью движений. А что по-настоящему заставляет меня краснеть, так это их слова о том, что в одном моем маневре они могут видеть отражение многих качеств игрока, которого можно было бы считать совершенным: скорость принятия решений; качество паса; способность вовремя притормозить, ускориться, взять паузу; первое касание, которым я ухожу от соперников; способность менять направление атаки. Я не знаю, что сказать. Я лучше предпочту, чтобы такие вещи вместо меня говорили другие люди.

Разумеется, я верю, что очень важно иметь хорошую технику, пользоваться интуицией, уметь находить свободные зоны и вести команду за собой во время атаки – это будет верным признаком того, что партнеры тебе доверяют, а соперник отступает. Есть люди, считающие, что мой секрет кроется в первых десяти метрах окружающего меня пространства, которое я покрываю, начиная движение. Другие говорят, что я пожертвовал своим талантом бомбардира, отличавшим меня в детстве, чтобы уметь покрывать такие дистанции, какие я покрываю на поле теперь. Не знаю. Как я уже говорил, я просто делаю то, что интуитивно чувствую. Если бы я родился заново, я бы играл точно так же. Когда я выхожу на поле, я более-менее представляю себе, как впишусь в игру, на меня немедленно находит ощущение, на каких скоростях будет проходить матч и как он будет развиваться. Иногда чувство, подсказывающее, что произойдет в игре, приходит за день до матча. Я представляю все это в голове, а потом все случается именно так. Или делаю что-нибудь на голой интуиции, ни на секунду не задумываясь об этом заранее. Мой мозг соображает очень быстро. Моя мама говорит, что иногда он работает так быстро, что недалеко до взрыва – это очень свойственная Луханам черта.

Члены семьи Иньеста-Лухан очень упорные и аскетичные люди. Мы трудяги, а спорт воспринимается нами как сама жизнь: для нас его смысл в том, чтобы никогда не сдаваться и каждый день биться за свое, оставаясь верным своим принципам. Я хотел напомнить самому себе об этом в этой книге. Хотел увидеть годы, на протяжении которых рос и выросел как человек и профессионал, рассказанные на страницах книги голосами тех, кто помогал мне на этом пути, и соучастников моей работы, Маркоса и Рамона, судящих меня по моей работе и моему поведению в повседневной жизни.

Я хочу от всего сердца поблагодарить каждого, кто так или иначе выделил немного своего времени за эти четыре года, что потребовались для написания этой книги. Я никогда не мнил себя «всемирным наследием», как однажды окрестил меня тренер Луис Энрике (хотя я никогда не смогу до конца отблагодарить его за это определение). Мне не нужны все эти индивидуальные награды, которых у меня нет. Также я больше не чувствую потребность как-то самоутверждаться. Я чувствую себя отлично там, где я сейчас, в Барселоне, в Фуэнтеальбилье, играя за «Барсу» или сборную Испании, в Каталонии или Ла Манче, в Испании или где-то еще.

Я считаю себя гражданином мира, которому очень повезло заслужить любовь и признание людей. И именно этим людям я хочу поведать свою историю – историю, которую не найти на страницах Google-поиска. Историю моей жизни, которую расскажут вам я и люди, знающие меня лучше всех. Надеюсь, вам понравится то, как я все сделал. Я был бы счастлив, узнав, что люди получили настоящее удовольствие, читая эту книгу, так же как получают удовольствие от моей игры. Я могу сказать, что для ее создания я трудился с тем же интересом и преданностью делу, с какими играю на поле в прекрасной футболке «Барселоны» или сборной Испании. Таким, по крайней мере, было мое стремление.

Спасибо вам.

Андрес

Первый тайм На поле

I. Бездна

Мне казалось, что я словно лечу в свободном падении, было чувство, будто все вокруг потемнело. Я занялся поисками доктора: «Я больше не могу это терпеть, с меня хватит».

Андрес Иньеста, лето 2009-го

Мы искали что-то, что могло объяснить происходящее, как-то оправдать то, что он ощущал. Но простого ответа не было.

Доктор Рикард Пруна, глава медицинского штаба ФК «Барселона».

Это не вопрос нужды. Я хочу рассказать свою историю.

Идея сама по себе хороша. Рассказать свою историю, поведать о вещах, которые я пережил, о своей жизни и все это собрать в книгу. Это возможность выразить благодарность людям, оставившим след в моей жизни, тем, кто был рядом со мной всегда. Такой уж я человек, мне нужна компания. Мне нужны люди рядом, чтобы я мог самовыражаться. Чтобы они помогли мне быть тем, кто я есть на самом деле.

У меня была тысяча способов начать повествование в этой книге, потому что в моей жизни было множество моментов, которые, когда они случались, казались мне самыми важными из всех, что я пережил. Я уверен, что, когда я оглянусь в прошлое и начну вспоминать их все, мне на ум придут и какие-то другие воспоминания. И я думаю, что совершил ошибку, начав книгу таким образом. Но я выбрал для начала один из самых свежих в памяти моментов, быть может, потому, что он всегда со мной, всегда в моей голове и никогда меня не покидает.

Я хочу начать книгу с самого наихудшего момента. Это не вопрос дней, месяцев или года – это некий неопределенный период моей жизни. Я не могу делить все только на победы и поражения – нет, речь идет о моменте, когда я не мог разглядеть никакого света в конце туннеля, когда не видел никакого пути, по которому можно было бы следовать, так как утратил уверенность в Андресе.

Словно я стоял на краю пропасти, где-то, где еще никогда не бывал, ничего подобного не переживал. Уверенность в себе двигала моей карьерой. Я всегда был уверен в себе и своих способностях. Уверенность всегда присутствовала. Так что, когда она покинула меня, я почувствовал себя уязвимым, словно пал жертвой чего-то ужасающего, пугающего, с чем не мог совладать. На меня нашло настроение фаталиста. В жизни нет ничего более тяжелого, чем ощущение, что ты – это уже больше не ты. Оно пугает.

* * *

Худшие моменты в жизни всегда наступают после лучших. В хорошие времена пессимисты предупреждают, что впереди всех ждут трудные времена. Для Андреса лето 2009-го было славным, даже несмотря на то, что его достижения, как он сам говорит, «дались трудом, напряжением и требовали от меня еще большего». Сезон завершился так здорово – выигравшем уникального исторического трофея. В 2009-м «Барселона» выиграла чемпионат, Кубок

и Лигу чемпионов. Но что потом?... «Потом внезапно, сам не знаю почему, я стал чувствовать себя плохо», – говорит он. «В какой-то день вдруг стало ясно: я не в порядке. Ощущение не прошло и на следующий день. И через день. Меня обследовали, тестировали, но результаты всегда были хорошими. Но каким-то образом тело и разум не были одним целым; казалось, что они движутся в разные стороны. Ты не можешь найти равновесие между ними, и тут тебя начинает одолевает тревога. Твоя голова перестает отдыхать, а тело в то же время кричит тебе, чтобы ты начал внимательнее приглядываться за ним, особенно за этой треклятой мышцей бедра, поставившей под угрозу участие в финале Лиги чемпионов в Риме и начавшей болеть еще сильнее после него. Ты постоянно занят обдумыванием каких-то вещей, событий. Ты спрашиваешь себя, почему мне так плохо, пусть даже и пытаешься убедить себя, что на самом деле наслаждаешься отпуском или, по меньшей мере, изображаешь удовольствие. Она растет, проблема растет как снежный ком, – продолжает Андрес. – Ты не в порядке, у тебя плохи дела, но люди вокруг не понимают этого, потому что этот Андрес не тот Андрес, которого они знают; они не видят, что внутри ты теперь странным образом пуст. Это очень тяжело».

Лето прошло скверно. Потом началась предсезонная подготовка, которая всегда стартует после медобследования. Это рутинная процедура для игрока, следящего за своей формой, особенно когда он чувствует себя хорошо. Это рутинная процедура и для Андреса в обычном его состоянии. «Но на той первой тренировке я сделал себе больно. Это было логично, ведь лето прошло под таким давлением, с таким напряжением, словно на меня свалились все проблемы мира. После такого лета было невозможно себе представить, что мышца будет в нормальном состоянии. Сканирование, которое сделали доктора, показало, что все в норме, но мышца была недостаточно сильной, а потому предсезонку я провел, будучи травмированным, и две недели тренировался в одиночестве в США. Только я и Эмили Рикарт, физиотерапевт «Барселоны».

ЭТО НЕ ВОПРОС НУЖДЫ. Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ СВОЮ ИСТОРИЮ.

Никто не знал тогда, как мучился Андрес, так же как никто не подозревал, как ему пришлось страдать, когда он маленьким попал в молодежную академию «Барселоны» «Ла Масию», находившуюся так далеко от его родного дома. Он поведал об этом только годы спустя. «Я все держу в себе. Я не люблю перекладывать груз своих проблем на плечи других; я справляюсь с ними самостоятельно. Но наступает момент, когда ты оказываешься в тупике, откуда нет выхода. Я не мог даже тренировку до конца довести, потому что странное чувство не покидало меня».

В заключительные дни предсезонной подготовки показалось, что дела пошли на поправку, а до решения уже рукой подать. Казалось, что грядут перемены. «Я не провел ни одного матча с того финала Лиги чемпионов в Риме и первого требла, оформленного тремя месяцами ранее. Я не мог тренироваться с первой командой на протяжении тех двух недель в США, но потом в один из дней доктора сообщили мне, что им, наконец, удалось найти причину моей проблемы. И тогда началась работа. Я стал приближаться к возвращению в строй, дела шли на лад, лекарство помогало. И в этот момент я узнал новости... хуже которых придумать было нельзя.

Приехал Карлес Пуйоль: он отыскал меня, чтобы передать, что Иван де ла Пенья звонил ему с новостями.

«Дани умер».

«Что? Ты уверен?»

Я застыл. Я не мог понять. Я не знал, что делать, о чем думать. Я не мог поверить в случившееся. Дани, мой дружище Дани, умер. Как? Почему? Не может быть...»

Андрес и Даниэль Харке, центральный защитник городских соперников «Барселоны» «Эспаньола», вместе прошли через многое. Они играли вместе в молодежных сборных Испании; вместе ездили в тренировочные центры своих клубов в Барселоне. Они были близкими друзьями. Дружили с детства; у них было столько общего.

А теперь Дани умер, став жертвой сердечного приступа, настигшего его в Италии, где «Эспаньол» проводил предсезонную подготовку.

«Следующие несколько дней были кошмарными, – говорит Андрес. – Мне казалось, что я лечу в свободном падении, было ощущение, будто вокруг все потемнело. Я отправился на поиски доктора: «Я не могу больше это выносить».

Андрес не знает, как это назвать: не совсем депрессия, но и не болезнь, нет, скорее ощущение беспокойства. Словно что-то не так.

«Не знаю, как это объяснить, – говорит он. – Но тогда я узнал, что, когда твое тело и разум уязвимы, тебе кажется, что с тобой может произойти все, что угодно, что ты способен принести очень много вреда. Делая абсолютно все, что угодно. Может, это прозвучит слишком сильно, не знаю, правильно ли говорить так, но мне тогда казалось, что я каким-то образом научился «понимать», как люди доходят до сумасшествия, что подталкивает их совершать безумные вещи, совершенно им не свойственные».

Иньеста нашел защиту и утешение в лоне семьи. «Родители, супруга Анна, все... без них я бы никогда не смог пережить этот стресс, никогда не почувствовал бы себя снова нормальным. Я перед ними в огромном долгу. Мне бы, конечно, хотелось думать, что для них я сделал бы то же самое, но ты никогда не знаешь, что случится в такой ситуации, пока не окажешься в ней сам».

Семья поддержала его, но усилий их одних было недостаточно. Иньеста нуждался в профессиональной помощи, в ком-то, кто мог бы выслушать его.

«Иногда достаточно просто объяснить кому-то свои чувства, рассказать, что с тобой происходит, чтобы тебя выслушали и поняли. Я нашел такую помощь в лице медиков «Барселоны» Пепе, Бругеры и Имме».

Пепе стал первым, кто помог ему раскрыть глаза на действительность. «Я больше не могу, – сказал Андрес доктору Пруне, главе медштаба «Барселоны». – Можете найти кого-нибудь, кто меня посмотрит?» В тот же день к нему домой приехал Пепе. Несколько дней спустя Имма. И именно она порекомендовала Андресу отправиться на прием к доктору Бругере.

«Моя жизнь – это моя жизнь, так я всегда к ней относился. *Таков порядок вещей, разбирайся с ним сам.* Все, что происходило со мной в жизни, то, как я всегда подходил к решению проблем, как в хорошие времена, так и в печальные: полагаю, что таким меня воспитали, вот и все. Таков уж я есть».

Иньеста все держал в себе, сам в этом копался и не делился этим ни с кем. Пока в один момент все не рухнуло. «Словно мое тело сказало мне: «Хватит, больше нельзя... ты долгие годы потратил на выслушивание других, на удовлетворение их нужд и желаний, теперь настало время выслушать меня, настало время посвятить свое время мне. Посвятить время себе». Я всегда считал, что сам смогу разобраться со всеми трудностями в жизни, словно я какой-то супермен. Я не мог объяснить себе, почему вдруг стал чувствовать себя опустошенным внутри, утратившим чувство надежды, всякие стремления и желания. Я не мог объяснить себе, почему ничто вокруг больше не радует меня. Вы, должно быть, спрашиваете себя: «О чем это он? У него же все есть: он играет за «Барселону», за сборную, у него куча денег, он все выиграл, люди восхищаются им, уважают его». Можете думать и так, я тоже задавал себе эти вопросы. Знаю, что некоторым людям будет не суждено понять меня. Но я чувствовал себя абсолютно пустым внутри. А когда ты ощущаешь пустоту, ты должен каким-

то образом вернуть себе энергию, перезарядиться, найти что-то, что будет подпитывать тебя и вернет тебе силы. Иначе ты покойник».

* * *

То лето должно было стать счастливейшим в жизни Иньесты. Он завершил сезон выигравшем трембл с «Барселоной» и приближался к пику игровой карьеры. Но вместо этого лето обернулось кошмарным адом. Не было ни утешения, ни возможности от всего этого убежать. Отпуск не помог, равно как не спасали и воспоминания об историческом сезоне 2008/09: ни гол на «Стэмфорд Бридж», ни выигрыш чемпионата, ни победа в финале Кубка. Да он даже не сыграл тогда: перелом носа лишил его этой возможности. Может, даже в те дни нечто такое ощущалось где-то рядом: не на поверхности, но где-то там, в глубине. Даже несмотря на то, что «Барселона» выиграла трембл, а он продолжал играть так, словно ничего не произошло, нашлись те, кто заметил, что что-то с ним не так. Андрес не был Андресом.

В один из дней Сеси, один из лучших его друзей, смотрел за тренировкой «Барсы», проходившей на том старом поле, что когда-то находилось рядом с «Ла Масией», недалеко от «Камп Ноу». Посреди тренировки у Сеси зазвонил телефон. Хосе Антонио, отец Иньесты, был на другом конце провода.

«Он не в порядке; что-то с ним не так».

«Расслабьтесь, Хосе Антонио, он вон там, тренируется».

«Как я могу расслабиться? Он единственный несчастный член семьи. Это ненормально».

Несмотря на внешнее спокойствие, Сеси и сам беспокоился за Андреса, особенно с того семейного ужина в Кадакесе, во время которого жена Иньесты Анна обратила внимание, что с мужем что-то не так.

«В чем дело?» – спросила она у Андреса.

За столом воцарилась тишина.

«Ни в чем, ни в чем. Я в порядке, все хорошо...»

Но сидевшие за столом знали, что он не в порядке. Сеси, Анна, родители... все видели, что с ним что-то неладно.

Он нуждался в профессиональной помощи, и тут на авансцене появилась клубный психолог Имма Пуиг. «В лице Иммы я нашел кого-то, с кем мог поделиться абсолютно всем, – говорит Андрес. – Есть люди, с которыми ты можешь что-то обсудить, а есть те, с кем ты поговорить не можешь. С ней я мог говорить обо всем. Я выпустил наружу все, что скопилось, начиная почти с самого своего рождения. И она так мне помогла! Помню, когда у нас была назначена встреча на шесть, я приезжал минут за десять до начала и уже был готов. Одно это уже должно подсказать вам, что эти встречи с ней были мне полезны, что мне было просто делиться с ней переживаниями, – а мне, разумеется, приходилось очень многое рассказывать».

Она помогла мне понять и улучшить мое состояние, а главное, она помогла мне научиться выбирать. Иногда ты не осознаешь, что делаешь. Никто из нас не осознает. Ты делаешь что-то просто на автомате, потому что должен. Ты просто проживаешь день за днем, день за днем... пока в какой-то момент не оказывается, что ты больше не в силах продолжать. Она помогла мне понять это и стала важной частью моей жизни. Она сыграла важнейшую роль в том, что я смог перебороть это и продолжить двигаться дальше».

Андрес искал какую-то возможность вырваться на свободу и искал ее везде, где мог. Находился в постоянном поиске.

Он не называет имен или мест, но он обследовал и узнал каждый сантиметр этого длинного темного коридора, в котором оказался, места, которое стало для него ловушкой, словно

он застрял в лимбе. Большинство людей понятия не имело о том, через что он проходил. В раздевалке «Барселоны» лишь несколько близких друзей знали об этом и старались поддержать его, дать пространство, в котором он нуждался, чтобы преодолеть свои страхи. Они не давили на него, не топтались вокруг, понимая, каких размеров гора выросла перед ним. За пределами раздевалки почти никто не знал, что он испытывал.

Два мира, два разных Андреса. На поверхности: улыбка, искусственная, как маска. Внутри: сомнение, беспокойство. Поиск абсолюта, который никогда не найти. Как из это выбираться? Как он мог сбежать из этого места – неведомого, мрачного, в котором оказался?

* * *

«Было трудно, очень трудно, – говорит Эмили Рикарт, физиотерапевт «Барселоны» и друг Андреса. – Время прошло, но боль того лета 2009-го до сих пор живет в нем. Он говорил мне: «Харке умер, и я больше не мог сдерживать это все». Момент тревоги, в который все в одночасье наложилось друг на друга: травма, давление, печаль и тоска... в результате в какой-то момент понимаешь, что у тебя что-то не так с головой. И хотя люди не верят в это, мозг способен влиять и на мускулы. Твое тело начинает разваливаться. Мускулы сдаются или получают надрывы. И в этот момент Андрес начинает испытывать то же ощущение, которое наносит спортсменам такой урон: чувство уязвимости, ощущение, что ты на грани срыва, после которого тебя уже невозможно будет «починить». «Я сделан из стекла», – сказал он мне однажды. Казалось, он думал, что никогда не придет в норму, никогда вновь не наберет хорошую форму».

Эмили хорошо подобрал слова. Иньеста ломался и внутри, и снаружи. «Он был более худым, чем обычно, он был не в порядке. Он работал усерднее, чем когда-либо, но путь вперед был просто закрыт. И конечно, это мучает. Ему нужна была помощь, чтобы вновь стать самим собой. Как он из всего этого выбрался в конечном счете? Усилием воли, благодаря стремлению, энергии и превращению каждого дня в движение стрелки на часах, ведущих обратный отсчет. Я уверен, что очень многие спортсмены не сумели бы преодолеть ту ситуацию, в которой оказался Андрес».

И хотя Андрес чувствовал себя одиноким, ему повезло, что рядом оказались люди, оказавшие поддержку, люди из близкого круга семьи и друзей, всегда стоявшие с ним рядом и готовые подставить плечо – именно они помогли ему заложить фундамент, на котором он принялся заново строить себя. «Конечно, мы все опасались, что все развалится, что он не выдержит и все закончится, – говорит Эмили. – Мы все об этом думали. Но никто не произносил этих мыслей вслух. Его семья и друзья очень близки с ним, и они помогли ему пережить эту черную полосу. Как-то раз, во время восстановительной сессии, которую мы проводили в комнате физиотерапевтов, работая над излечением этих проклятых мышечных травм, никак не хотевших уходить, он рассказал мне о Рафе Надале, теннисисте. Надаль тоже переживал кошмарный период травм и утраты уверенности в собственных силах. И тогда Андрес сказал мне: «Эмили, я слушал слова Надаля и в точности понял, что он имел в виду: я переживаю то же самое».

НА ПОВЕРХНОСТИ: УЛЫБКА, ИСКУССТВЕННАЯ, КАК МАСКА.
ВНУТРИ: СОМНЕНИЕ, БЕСПОКОЙСТВО.

Эмили, больше психолог, нежели физиотерапевт, на мгновение умолк. Он вспоминает, как говорил Андресу то, что говорил всегда: биологические часы своего организма нужно всегда знать и уважать. «Нельзя торопить природу. Он уважал эти постулаты, но у него не было часов. Не было никакого примера для подражания, он был заперт в каком-то незна-

комом месте. Не было никакого подготовленного заранее плана восстановления, никаких ясных инструкций. Он был так истощен, так разбит...»

Иньесте было больно не только физически. Эта боль и привела его сюда: поднять его дух было непросто.

«Андрес очень близок своим корням – к своему дому, к людям. Он прошел с ними все, эти узы очень крепки. Он борется вместе с ними. Эти узы никогда не рвались и никогда не будут разорваны. Он ничего не может с этим поделать. И он беспокоится о каждой этой ниточке».

Он так беспокоился обо всех дорогих ему людях, что в какой-то момент забыл побеспокоиться о самом себе. И все это вместе сошлось внутри него, образовав идеальный шторм.

* * *

«Андрес прошел через очень непростой период», – говорит его бывший партнер по команде Боян Кркич. Он тоже осторожно подбирает слова, осторожно описывает эти мрачные углы опыта, которые не знакомы никому, кроме самого человека, проходящего через такой период жизни. Но если кто-то и способен их понять или хотя бы близко подобраться к пониманию, так это Боян. Экс-форвард «Барселоны» тоже пережил что-то подобное.

«Шел мой первый год в первой команде на «Камп Ноу», – говорит он. – Примерно тогда же Арагонес впервые вызвал меня в сборную, год 2008-й. И в какой-то момент меня стали одолевать приступы тревоги». Как и Андрес, Боян был выпускником академии «Барселоны» – «Ла Масии». Андрес был на шесть лет его старше; для Бояна он был гигантом. Кркич восхищался им и смотрел на него как на идола, в нем он видел свое вдохновение. Они почти не разговаривали друг с другом: оба очень застенчивые. Но было нечто такое, что их связывало – безмолвно.

«Так что я сильно удивился, когда как-то раз после тренировки Андрес подошел ко мне и сказал: «Боян, мне надо с тобой поговорить». А когда такое говорит Андрес, сразу понимаешь, что творится что-то неладное. Он вкратце объяснил мне, что с ним происходит. Пока он продолжал говорить, я осознавал, что его проблемы очень схожи с моими. Я чувствовал, будто что-то связывает нас; о таких вещах не поговоришь с первым встречным. И я сразу же понял, о чем он говорит. Его слова заставили меня ощутить, что я словно заново переживаю весь тот свой опыт. Заново чувствую то, что еще не умерло во мне: шрамы никуда не делись. И он хотел поделиться этим со мной. Я знал, что тем, о чем он мне рассказывал, обычно ни с кем не делишься, кроме своих близких. Это так скверно, так неприятно, так болезненно, что ты просто держишь это в себе. Ты не хочешь, чтобы другие знали; не хочешь нагружать их этим и не хочешь, чтобы они страдали от этого. Но в конечном счете так ты только делаешь себе больнее».

Сев в углу раздевалки, Андрес и Боян стали разговаривать. «Настал момент, когда мы осознали: мы проживали одно и то же. Мы чувствовали себя одинаково. Знали, что проходим через одинаковые страхи, и оба чувствовали, что выхода нет». Андрес говорил, Боян слушал. «Я думал про себя: «Я не дам Андресу пережить нечто подобное». Я сидел там, говорил со своим идиолом и кумиром, человеком, выигравшим Чемпионат Европы и Лигу чемпионов, а он открывал мне свою душу. Это уже во многом раскрывает то, какой он на самом деле, одно это говорит о его скромности и чувствительности. Он позвал меня на помощь. Он сам подошел ко мне и сказал, что хочет поговорить. И я захотел помочь ему всем, чем только мог».

С того момента взаимоотношения между Андресом и Бояном изменились. «Мы стали общаться все чаще. Мне было комфортно говорить с ним, а он чувствовал то же самое по отношению ко мне. Для нас обоих это была своего рода терапия. И мы стали ближе, узнали

лучше друг друга. Помогали друг другу. Андресу предстояло начать непростой год, учитывая все случившееся; травмы породили страх, что он не сможет попасть в заявку на Чемпионат мира. Он выходил на финал Лиги чемпионов, едва восстановившись, не будучи до конца здоровым. Он был очень хрупким».

Боян вспоминает свое знакомство с Андресом. «Дело было в Египте, во время товарищеского матча. Я никогда прежде не тренировался с первой командой, так что эта возможность была словно дверью в мечту. Любопытно выходило: для игроков первой команды приезд в Египет на товарищеский матч был неприятными хлопотами. Для меня это был прекрасный новый опыт. Мы прибыли на стадион за три часа до игры, а он уже был заполнен до отказа. Помню, что я тогда очень нервничал. На разминке Андрес подошел ко мне и сказал: «Расслабься, не переживай так». Не знаю почему, я до сих пор не могу себе этого объяснить, но тогда его слова придали мне невероятной энергии. Я и сейчас могу воспроизвести этот момент в своей голове, вплоть до цвета манишки, в которой мы тогда разминались. Она была красной».

На дворе был апрель 2007 года, Бояну было 16. Он дебютировал и забил. «Момент для меня был колоссальный, – говорит он. – Я сыграл в том матче, вернулся в молодежную команду, где провел весь остальной сезон, а летом меня вызвали на предсезонку с первой командой». Промотаем на два года вперед и увидим, как Боян общается с совершенно другим Андресом в сравнении с тем, которого впервые повстречал тогда. Андресом, за которого очень беспокоились люди, особенно Карлес Пуйоль, капитан «Барселоны».

* * *

Пуйоль был человеком, рассказавшим Андресу о смерти Дани Харке. Сам переживая эту горе, он беспокоился об Андресе. Боялся, что его друг может плохо отреагировать на эти новости. Именно Пуйоль позвонил Раулю Мартинесу, физиотерапевту национальной сборной, чтобы у него поискать какую-то надежду, какое-то решение, а также призвал на помощь Эмили.

«Андрес все принимает близко к сердцу, взваливая на себя груз, который давит на него, но который он никому не покажет, он все держит в себе, – говорит Пуйоль. – Может, поэтому он так часто травмируется. Иногда думаешь, что можешь совладать со всем и сам разрешить свои проблемы, но не получается. Он говорил мне: «Пуйи, моей икре кранты, это нечестно! Почему это происходит снова и снова? Дерьмо. Я как раз был в своей лучшей форме! Ну почему?»

«Я четыре месяца не играл вообще, – говорит Андрес. – Казалось, что этому не будет конца. Четыре месяца казались вечностью. Все это было очень тяжело. Все эти вопросы, остававшиеся без ответов. Сложилось ощущение, что никакого прогресса нет вовсе. Все только повторяется и повторяется по кругу. Лекарство, лечение, обследования и тесты изо дня в день. Я старался тренироваться вместе с командой, но не мог завершить тренировку со всеми, потому что чувствовал себя отвратительно. Но все равно продолжал. Что-то внутри меня говорило мне, что это просто еще один шаг, еще один этап. Когда я, наконец, возвратился на поле в сентябре, в матче с киевским «Динамо», прошло ровно 4 месяца и два дня с финала [Лиги чемпионов] в Риме. Я смог провести только первый тайм. Почему? Потому что не мог отыграть больше, не мог справиться с нагрузкой. Мне казалось, что моя голова вот-вот разорвется. У меня были очень странные ощущения. Я даже не знаю, как их описать, но в мире должны быть люди, которые переживали нечто подобное и которые могут это описать, кто поймет, о чем я говорю. Впрочем, я знал, что вообще выход на поле – это уже маленький шаг вперед. И также я знал, что, каким бы маленьким он ни был, он был

важен. Шаг за шагом, понемногу я начал чувствовать себя лучше; впервые я ощутил, что могу вернуться к нормальной жизни».

Но до нормальной жизни было далеко.

* * *

«Андрес, тебе решать, хорошо? Как только почувствуешь, что что-то не так, уходишь. Не спрашивай разрешения, просто уходи. Хорошо? Уходи. Не волнуйся насчет тренировки. Как только почувствуешь что-то не то, останавливайся. Все нормально. Нам важен ты; ты и только ты».

Посыл Пепа Гвардиолы был четким, и исходил он не от Пепа-тренера, но от Пепа-друга. «Если чувствуешь себя неважно, не дави на себя, не переживай, не надо продолжать, даже не думай об этом, просто уходи. Пожалуйста».

И он уходил. Было бесчисленное множество тренировок, когда команда не успевала отработать и десяти минут, как Андрес уже разворачивался и шел в раздевалку. Он даже не смотрел на Пепа. А Пепу не нужно было смотреть на него. Слов не было, да и нужды в них тоже. Только что он был там, а теперь его уже нет, словно что-то огромное проглотило его целиком.

«Всегда хочется, чтобы люди вокруг тебя были в порядке, были счастливы и здоровы; хочется, чтобы им было комфортно и их не беспокоили никакие проблемы, – говорит Андрес. – Но тебе никогда не приходит в голову мысль, что не в порядке можешь быть ты сам. Всегда думаешь, что с тобой-то подобное точно не произойдет. Но никто не застрахован от этого. Тебе кажется, что это происходит только с другими людьми. Пока это не случится с тобой. Со мной вот случилось».

«Андрес очень, очень чувствительный человек, – говорит Гвардиола. – Бывают моменты, когда все идет наперекосяк – такова жизнь. Но его жена, дети, семья вытащили его из этой трясины. Мы были рядом, предлагая ему всевозможную помощь, но он тоже был силен и хорошо держался. Все, чего мы хотели, – это помочь ему, убедиться, что он знает: мы будем рядом, если наша помощь потребуется».

МЕДЛЕННО, ПОНЕМНОГУ ОН СМОГ СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ,
КОТОРЫМ ЯВЛЯЕТСЯ СЕЙЧАС. И НЕТ, Я НЕ ИМЕЮ В ВИДУ
ФУТБОЛИСТА. Я ГОВОРЮ О ЧЕЛОВЕКЕ, О ЛИЧНОСТИ.

Но Андрес не искал этой помощи, он предпочел закрыться в себе. «Он как я. Когда он поступает так, нет никакой возможности достучаться до него, – говорит его близкий друг и бывший партнер по команде Виктор Вальдес. – Его проблемы со здоровьем в придачу к тревоге и беспокойству довели его до точки. Все эти травмы превратили рутину его будней в кошмар, заставив его считать, что он не в состоянии справиться с собственной жизнью. Все было неправильно, как-то странно. Он был разрушен до основания. Я это видел».

Вальдес в буквальном смысле прошел каждый шаг Андреса по пути на вершину карьеры, они были вместе с тех самых пор, как познакомились в «Ла Масии». Теперь Андрес спрашивал своего друга, почему с ним происходят подобные вещи, что вообще происходит, как это возможно: «Я просто не понимаю».

Тот же вопрос он повторял снова и снова. Вальдесу, Пуйолу, Бояну, Эмили, Раулю... но никто не знал ответа. Они понятия не имели, что происходит. «Оно там, внутри моей головы», – говорит Андрес...

У него тоже не было ответов.

* * *

Доктор «Барселоны» Рикард Пруна знал, что ясного и четкого медицинского объяснения проблем Иньесты не было. «То были исключительно деликатные моменты, худшие из всех, через которые Андрес проходил на моих глазах, – говорит Пруна. – Он осознал, насколько каждый из нас уязвим, когда голова не работает, как должна. Неважно, футболист ты или кто-то еще, в какой-то момент ты доходишь до точки, в которой готов пожертвовать всем, что у тебя есть, лишь бы только вновь стать «нормальным», снова обрести контроль над своей жизнью; снова почувствовать себя сильным и научиться ладить с собой. Быть собой. Да, нормальным. Подходящее слово.

Андрес боролся с личными проблемами и пришел ко мне за помощью. Он хотел медицинского обследования. И мы тестировали его, анализировали все, что только могли. Искали что-то, что могло объяснить его состояние, его чувства. Но простого ответа не было. Потихоньку, шаг за шагом на передний план вышли человеческие объяснения личного характера. Наступило осознание, что подобное происходит с людьми. И когда оно наступило, оно придало Андресу дополнительных сил».

«Ему нужны были не обследования, – продолжает Пруна. – Он нуждался в гармонии, в равновесии. И постепенно он их обрел. Медленно, понемногу он смог стать человеком, которым является сейчас. И нет, я не имею в виду футболиста. Я говорю о человеке, о личности».

Спустя многие месяцы безмолвной борьбы и страданий, месяцы, на протяжении которых люди со стороны мнили, что он, должно быть, счастливейший человек на земле, Иньеста смог найти это равновесие, обрести гармонию. Без поддержки таких людей, как Пепе, Имма и Бругера, он мог потеряться навсегда.

II. Фуэнтеальбия

*Мы увидели его на просмотре и спустя пять минут сказали:
«Хватит, убирайте этого малыша с поля, мы увидели достаточно».
Бало, тренер «Альбасете»*

Ему было едва ли лет восемь: этому тощему маленькому пареньку, белому и тонкому, как хлопковая нить. Некоторые говорили, что у него всегда было это лицо идеального, невинного ребенка. Другие подмечали тысячи разных его масок: умение адаптироваться к окружению и каждому моменту матча, всегдашнее его следование за мячом и игрой, но также и умение вести ее самому через контроль; он был везде и всюду, в каждом углу поля. В тот день полем была жесткая гравийная площадка, а матчем – просмотр в клубе. Там вместе с ним просмотр проходили сотни детей, там решались их судьбы, а он играл так, словно до сих пор был на *своем* поле: бетонной площадке около школы в Фуэнтеальбии, где его всегда можно было отыскать.

Изо дня в день он приходил туда. Оставался там до тех пор, пока не стемнеет, а приходил, как только светало. «Я часами играл там, особенно после школы, – говорит Иньеста. – Как жаль, что тогда не было прожекторов. Когда темнело, мне приходилось идти домой. Иногда приходили мама или бабушка, искавшие меня. Если бы там были прожекторы, как сейчас, я бы никогда не уходил с поля».

Тогда он не знал, что там, рядом со школой – меньше, чем в сотне метров от бара «Лухан», которым заправляла его мама Мари, пока отец Хосе Антонио собирал из каменщиков с округи свои бригады, – пишется история. Никто из них не знал. Ни семья, ни друзья, игравшие с ним в тех матчах; они до сих пор с ним дружат.

Абелардо по прозвищу *El Sastre* (Портной) до сих пор видит перед глазами картину: крохотная фигурка идет в сторону его дома. «Я был старше его на четыре года. Андресу было шесть, мне десять, но он был в три, а то и четыре раза круче меня, – говорит он. – Мои отношения с Андресом крутились вокруг футбола. Футбола, футбола и еще раз футбола. Ничего больше в наших жизнях не было. Он каждый день приходил к моему дому с мячом под мышкой. Единственным, который у нас был. Он больше напоминал комок непонятного нечто, чем мяч, но для наших игр годился».

Он приходил и просил меня играть. А если он не приходил и не звал меня, я направлялся в бар «Лухан», чтобы отыскать его там. Оттуда мы направлялись на игровую площадку около школы, по пути пиная мяч. Там мы играли так долго, как только могли, пока кто-нибудь не приходил, чтобы забрать нас оттуда. Обычно это была его бабушка. Она приходила, чтобы утащить его с поля. Но так как я был старше, я шел домой сам. Никакого другого «поля» в Фуэнтеальбии тогда не было».

Футбольное поле, превращенное в баскетбольную площадку, можно было найти на школьном дворе по ориентиру, которым служило дерево в одном из его углов. «Я не знаю почему, но это дерево я помню всегда; оно всегда у меня в памяти, – добавляет Абелардо. – Родители рассказывали мне, что раньше там были пруд и дерево. А потом уже построили игровую площадку. Хулиан [еще один друг детства], Андрес и я проводили там все свое время, целыми днями играя в мяч. Мы тренировали пенальти, отрабатывали навесы и «черпачки», тренировались по полной программе».

Все есть мяч, и мяч есть все. «Как бы я хотел снова отыскать этот мяч, – говорит он. – Жесткий, резиновый, верхнее покрытие стерлось, цвета поблекли и исчезли».

«Я даже не уверен, что он *был* белым, – признается Хулиан. – Я не помню уже. Но до сих пор вижу перед глазами Андреса, пинающего мяч по дороге. Даже сейчас всякий

раз, когда я его вижу, этот образ всплывает в памяти. Он был как Оливер Атом из мультика «Оливер и Бенджи». Мяч никогда его не покидал, а он не расставался с ним».

Для Хулиана по прозвищу Пето одна и та же сцена повторялась каждый раз после школы. «Он приходил к дверям моего дома с сэндвичем в одной руке и мячом в другой...

«Пойдем попрактикуем удары».

«Хорошо, Андрес», – отвечал я».

Потом они отправлялись на поиски Абелардо и втроем формировали первый *трезубец* в футбольной карьере Андреса Иньесты. Хулиан жил прямо за баром «Лухан». И до сих пор живет.

Он вспоминает: «Мы изобретали разные игры, соревнования штрафных ударов, турниры по пенальти... мы долгие часы проводили на этой игровой площадке. Когда нам нужен был голкипер, мы просили кого-нибудь из пацанов помладше сыграть с нами. Вокруг обязательно кто-нибудь крутился. Андрес, конечно, был одним из самых маленьких, но он не считался за «мелкого». Он всегда играл в нашей команде. Он был слишком хорош, чтобы играть с пацанами своего возраста. Ему становилось скучно. Другие мальчишки его возраста могли только стоять на воротах да в «стенке» во время турниров по штрафным ударам. Но не Андрес, Андрес был другим.

Иногда мы с мячом проводили вечера в городе, – продолжает Хулиан. – Проблемы начинались, когда мяч перелетал через чей-нибудь забор или падал кому-нибудь во двор».

Тогда кому-нибудь из них приходилось лезть доставать его. И соседей это зрелище не очень-то впечатляло. Абелардо или Хулиан отправлялись за мячом, пока Андрес ждал. Он был самым маленьким, в конце концов. «Видели бы вы лица соседей... но в конце концов они всегда возвращали нам мяч, даже если пребывали в ярости. «Вот ваш проклятый мяч, забирайте».

Проклятый? Благословенный. Особенно для Андреса.

«Это правда, – признает Хулиан. – Мяч почти всегда был его. Он всегда приходил с ним под мышкой... а в конечном итоге ему даже удалось превратить нас в наполовину неплохих футболистов. И в половину не таких замечательных, как он, но не бездарных. Он мог выйти против лучшего, самого большого и умелого пацана в городе и оставить его лежащим на земле».

Даже когда солнце садилось и опускались сумерки, ребята находили себе поляну для игры. «В баре «Лухан» было служебное помещение, и последнюю игру мы всегда устраивали там, – говорит Абелардо. – Родители ужинали в баре, пока мы в задней его части играли в мяч, роль которого играли слепленные степлером комки бумаги. Один из нас сидел на полу, стоя «в воротах», а другие двое пытались прокинуть мяч мимо него. Соревнования выходили упорными; нас прошибал пот».

По выходным Хулиан, Абелардо и Андрес «подписывали» в свою команду еще одного игрока: Ману, который был кузеном Андреса. Именно он известил мир о том факте, что на улицах никому не известного городка в Ла Манче, чье название большинство людей даже не захочет запомнить, творится что-то невероятное.

* * *

«Андреса уже порекомендовал нам его кузен, Ману де Мануэль, игравший тогда за «Альбасете», – вспоминает Виктор Эрнандес, один из первых тренеров Иньесты в «Альбасете», клубе, откуда он начал свой путь к профессиональной карьере.

История начинается с Педро Камачо, брата бывшего главного тренера сборной Испании Хосе Антонио Камачо, легендарного игрока «Реала», ставшего одной из икон клуба. Педро был тренером Дани в «Атлетико Ибаньес». Дани – это Хосе Антонио Иньеста, отец

Андреса и по собственному признанию «болельщик «Атлетика» в то время». Его прозвали Дани в честь Дани Руиса Басана, форварда «Атлетика Бильбао», игравшего в 70-е и 80-е. «Он [Хосе Антонио] не был так хорош, как его сын, но играть умел – он был центральным полузащитником и звездой в дивизионах Преференте¹ и Терсера²», – говорит его бывший тренер Педро.

Хосе Антонио надеялся, что его сын сможет преуспеть там, где не удалось ему. Но для начала он не мог даже устроить ему просмотр. Хосе Антонио прочитал объявление в местной газете, оповещавшее о том, что в «Альбасете» в скором времени должны состояться просмотры молодых футболистов. Но когда он приехал на них с сыном, их «завернули». «Он слишком мал у вас», – сказали они. И он действительно был мал. Ему было всего семь лет от роду. Слишком юн и слишком мал.

Так что отец обратился к Педро и попросил открыть его сыну дверь хоть куда-нибудь. Дверь, которую тот открыл, открывала путь к полю Федерации; только это было не поле, по крайней мере, не полноразмерное. Вместо футбольного поля там была гравийная площадка для матчей семь на семь без раздевалок. Так что игрокам приходилось переодеваться в раздевалках, примыкавших к другому полю, располагавшемуся неподалеку.

Итак, Педро поддался уговорам. Хосе Антонио был доволен, как и Ману. «Ты не пожалеешь, он потрясающе хорош, – повторял Ману снова и снова. Он не ошибался: – Я все твердил им, что до тех пор, пока они не увидят его игру своими глазами, они не поймут, насколько он хорош».

В тот день они увидели. В тот день Хосе Антонио сел в машину, в старый Ford Orion, и повез Андреса в «Альбасете», что в 46 километрах от родной деревни. Там было много детей. Мужчинами, что просматривали их и выносили свои вердикты, были Хинес Мелендес, в то время возглавлявший молодежную структуру клуба, и тренеры Андрес Эрнандес, его сын Виктор и Бало.

«Мы посмотрели на его игру во время просмотра и пять минут спустя сказали: «Уберите этого мальчишку с поля, мы увидели достаточно», – говорит Бало.

Бало вспоминает, что просмотр даже пяти минут не занял. Впрочем, это было неважно. «Много времени ему не потребовалось; нас он вполне убедил. После всего того, что мы наслушались о нем, и того, что он нам показал, стало ясно, этого более чем достаточно. Смотреть на него было сплошным удовольствием: такой маленький, что мяч в его ногах казался больше него самого. Почему мы так рано убрали его с поля? Потому что были уверены в нем на все сто и оставшееся время нужно было потратить на просмотр других детей, тех, на чей счет у нас были сомнения. Насчет Андреса же у нас никаких сомнений не было.

Андрес играл в центре, и как только мяч оказывался у него, отнять его не было никакой возможности. Это было нереально. Прямо как сейчас», – говорит Бало. В то холодное утро он едва верил своим глазам.

«Не было никакой нужды смотреть на него дальше; мы уже все увидели», – говорит Виктор.

«Он отличался ото всех остальных», – подтверждает Педро.

Он помнит свой разговор с Хосе Антонио: «Не волнуйтесь, – сказал я. – Я пригляжу за командой младших ребят. Он будет со мной». И в тех первых матчах, едва завершалась 15-минутная разминка, как Андрес подхватывал мяч, обводил всех подряд и забивал гол. И так изо дня в день, пока однажды я не подошел к нему и не сказал: «Ты должен *пасовать* своим партнерам тоже. Делись мячом и с ними, идет?»

¹ Высший дивизион региональной лиги, идет сразу после Терсеры. – Прим. пер.

² Четвертый по старшинству дивизион профессионального испанского футбола после Примеры, Сегунды и Сегунды Б. – Прим. пер.

И он стал делиться. Мяч перестал быть исключительно его собственностью. Он делился им с другими мальчиками и девочками. Но была одна маленькая проблема. Когда нужно было поделиться на команды, все до единого хотели играть в команде Андреса. Они знали, что так им удастся победить. И тренироваться они тоже хотели с ним. Что же до него, то он едва открывал рот. Его губы были плотно сжаты.

«Я был одним из худших, – вспоминает Марио, повстречавший Андреса в тот самый первый его день. – Нас было, кажется, двенадцать или около того, а я был, наверное, 10-м по уровню игры. Андрес, разумеется, был номером один. Со временем он стал капитаном. Каждый хотел стать его партнером на тренировке, а потому мы все сбивались в кучу вокруг него. Он, тихий как всегда, просто стоял и ничего не говорил. Потом отвечал: «Я пойду с Марио». Он выбирал детей послабее, чтобы помочь им научиться игре. Так мне кажется. Он мог выбрать и кого-нибудь получше; не спрашивайте у меня, почему он предпочитал поступать иначе».

АНДРЕС ИГРАЛ В ЦЕНТРЕ, И КАК ТОЛЬКО МЯЧ ОКАЗЫВАЛСЯ У НЕГО, ОТНЯТЬ ЕГО НЕ БЫЛО НИКАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ.

Марио и Андрес до сих пор дружат. «Он родился в Фуэнтеальбилье, а я в Альбасете. Я совсем не знал его. Но в тот первый день он забил дважды, и я забил дважды. Сделать это было очень просто. Мы просто караулили мяч у границы штрафной: нам было по восемь лет, так что всякий раз, когда вратари должны были производить удар от ворот, у них не получалось выбить мяч далеко, и он падал к нам. Андрес подхватывал его, пасовал мне и... гол!»

Матч закончился со счетом 4: 1, и теперь каждый раз, когда Марио видит Андреса, перед его глазами встает одна и та же картина. «Помнишь те огромные красные шорты?» – говорит Андрес.

Тогда повторялась еще одна картина. Каждый раз, когда в «Альбасете» начиналась дневная тренировочная сессия, у поля в самый последний момент появлялась маленькая фигурка в бутсах и спортивной форме. «Что ему нужно было преодолеть, чтобы попасть туда... – говорит Марио. – Его отец работал на стройках и не всегда мог его привозить. У нас таких проблем не было, потому что мы жили в Альбасете; мы покидали школу, шли тренироваться, а потом шли обратно в школу. Он так делать не мог. Ему нужно было преодолевать гораздо большие расстояния, так что он всегда немного опаздывал на тренировки».

По дороге в машине он переодевался. По пути назад он поглощал сэндвич, приготовленный мамой Марио, и выпивал пачку сока. В конце концов, время было обеденное. Он уезжал так же быстро, как приезжал.

«Почему мы тренировались днем? Главным образом потому, что позже все поля оказывались занятыми: их использовали для тренировок дети всех прочих возрастных групп, – говорит Марио. – А также потому что Бало, тренер, работал в казино в Альбасете. Андрес появлялся уже обутом в бутсы, из машины он выходил в полной экипировке».

Каждый вторник и четверг связка Марио/Андрес крепла и оттачивала взаимопонимание. Но по выходным они играли вместе нечасто, потому что Марио не был игроком стартового состава. Да и возможности поболтать вдоволь у них особо не было: один жил в Альбасете, другой – в Фуэнтеальбилье. Друг друга они видели только на тренировочном поле. К тому же Андрес не отличался разговорчивостью.

Понемногу люди стали обращать внимание на кузена Ману. А как иначе? Он был маленьким, но по игре был на две головы выше всех остальных. «Этот мальчишка просто невероятный! – говорили люди Виктору. – Какой игрок!» Каждую игру одно и то же. «Он творил какие-то ненормальные вещи. Обеими ногами. Он был потрясающим. Можно ли такому научить? Я бы очень хотел сказать, что «да», что это моя заслуга, – говорит Виктор. –

Но на самом деле нет, такому нельзя научить. У него это шло изнутри. Видеть, как он играет, было здорово, это была фантастика».

С того первого дня их всех охватило странное чувство. «Дело было не только во мне одном, чувство охватило всех нас, – признается Педро Камачо. – Этот малыш был потрясающим, хотя тогда никто из нас и не представлял, как высоко он заберется. Для своего возраста он был просто каким-то благословением свыше. Но казалось, что он совершенно не вписывается в окружение, будто мы не знаем, откуда он явился или что с ним делать... он был словно инопланетной формой жизни».

В Альбасете слухи расползаются быстро. «Никто не мог с нами соперничать; мы побеждали в каждом матче», – с гордостью вспоминает Виктор. У «Альбасете» U-10 была такая команда: Андрес и его друзья. Бруно, левый инсайд; Хосе Карлос, голкипер; Марио; Карлитос Перес, в конечном итоге оказавшийся в первой словацкой лиге после того, как Рафа Бенитес пригласил его в «Валенсию», но лишь для того, чтобы так никогда и не устроить ему дебюта на «Месталье»; и Чапи, прозванный так в честь крайнего защитника «Барселоны» Чапи Феррера, чьим настоящим именем было Хосе Давид: он никогда не переставал бегать взад-вперед по флангу, играл жестко и агрессивно, прямо как его каталонский прототип. Но дело было не только в этом: он тоже болел за «Барселону» (а теперь, конечно, болеет за нее еще сильнее, чем раньше) и даже был похож на Феррера и до сих пор похож, особенно с учетом того, что оба облысели. «Если бы я не был болельщиком «Барселоны», я бы не позволил им называть меня Чапи», – говорит он теперь.

Насчет Андреса, впрочем, ему волноваться не приходилось. «Все вокруг называли меня Чапи, кроме него, – говорит он. – Не знаю почему. Может, он стеснялся. Он был единственным, кто называл меня Хосе. Я всегда играл крайнего защитника. Я оказался в клубе «Хинета» в дивизионе Терсера, женился, ну и... знаете, как это бывает...»

В тот день Чапи знал. Все знали. «В день просмотра я взглянул на Андреса и подумал: «Откуда он такой взялся?!» На просмотре было человек двести детей, а он опережал всех на целую милю.

Помню, что он редко говорил, но мог рассмешить. Он был таким же бледным, как сейчас. И ему ничего не подходило. Любая футболка, какую бы он ни надевал, была ему слишком велика.

Другой его чертой было то, что он, несмотря на неразговорчивость, обладал невероятным характером на поле. Это было так необычно. Он просто тащил команду на своих плечах. Ничего не боялся. Сам пробивал пенальти.

Андрес никогда не жаловался арбитру, не злился и всегда очень четко представлял себе, чего хочет. Я делил с ним номер, когда мы отправились на турнир в Брунете. Помню, что в какой-то момент я начал беситься, скакал по кроватям, бегал по отелю, играл с детишками из других команд... Так продолжалось до тех пор, пока он не обратился ко мне: «Хосе, закрой жалюзи и выключи, пожалуйста, свет! Завтра у нас игра. Отправляйся спать! Нам нужно отдохнуть». Он уже тогда вел себя как профессионал».

Профессионал, но все еще ребенок. Как и все они: дети, родившиеся в 1984 году, они просто получали удовольствие, играя в футбол. От школы к полю и обратно.

«В то время учеба в школе делилась на две части, так что в середине дня они ее покидали, – говорит Виктор. – Андрес покидал школу, держа в руке сэндвич, который ему делала мама, и направлялся в Альбасете. Мы тренировались с 12.30 или чуть позже до двух часов дня. У нас не было возможности тренироваться в какое-либо другое время и не было полей, которые можно было использовать». Иногда Андрес останавливался в доме Ману, чтобы переодеться.

«Ему позволялось покидать класс чуть раньше, – вспоминает Бало. – Потом он навесывал все днем. Но господи боже, каких же усилий это стоило его семье!»

Они приезжали, смотрели как он тренируется, а потом везли его обратно. Сто километров за три часа дважды в неделю. Его поочередно возили то отец, то дедушка, но Андрес всегда вел себя одинаково: тихонечко сидел с сэндвичем с чоризо и фруктовым соком.

«Андрес был тихим ребенком. Он даже не здоровался, когда приезжал, и не прощался, уезжая от нас. Каждую субботу мы играли в матчах, не соревновательных, а просто так, веселья ради. Он был мал и очень техничен, настолько техничен, что мог спрятать от тебя мяч лучше, чем кто-либо. Он весил максимум килограмм 40. Не думаю, что хотя бы раз с ним заговорил», – откровенничает Хуанон, тренер Андреса в школе Салесиано в Альбасете.

Бало вспоминает одну пятницу, которая всегда была днем встреч тренеров, собиравшихся на обсуждение детей в молодежной системе клуба во всех возрастных группах. «Они говорили мне: «*Madre mia*, Бало! Просто дождись следующего года, когда будешь работать с Андресом». Я еще не видел его игры, помимо того просмотра, потому что моя возрастная группа играла в одно время с его... Мне только предстояло увидеть его в деле».

Бало так много рассказывали об Андресе, что он решил посмотреть на него своими глазами. Он никому не сказал, решив отправиться на следующую тренировку Андреса инкогнито. И в этот раз ему повезло: «Я пришел и занял место на углу поля». Бало не хотел вмешиваться; не хотел, чтобы кто-нибудь его заметил. Вдали от родителей, вдали от друзей и семей игроков, он стоял в одиночестве и смотрел. Вышло так, что коллеги оказались правы: мальчик и правда был *хорош*.

«*Madre mia!* – сказал он себе. – Следующий год будет отличным!»

С каждым касанием мяча Андресом он чувствовал себя все более везучим; с этим мальчиком ему предстояло работать в следующем году. Когда потом его увидел Хинес, Бало повернулся к своему боссу и сказал: «Делайте что хотите, но только не увольняйте меня до следующего сезона!»

* * *

Бало получил огромное удовольствие от того года. «Я помню, что пробор на голове Андреса, по самому ее центру, был таким четким, таким прямым, что можно было подумать, будто кто-то уронил ему на голову лезвие топора, – вспоминает он. – Он не выглядел как футболист. Совсем наоборот на самом деле».

«Год вышел замечательным, – продолжает Бало. – Здесь меня знают очень многие люди, потому что я играл за «Альбасете». Я мог идти по улице, и люди спрашивали у меня: «Когда играете? В субботу? В воскресенье? В какое время?» Трибуны были полны народу каждую неделю. Впечатление было такое, что мы на «Карлос Бельмонте» – домашнем стадионе первой команды «Альбасете». Было абсолютно неважно, против кого играли мальчишки; никто никогда не спрашивал. Люди хотели посмотреть на Андреса. Распространились слухи: «У Бало в команде играет пацан, он просто невероятный...»

Эту фразу теперь слышал весь Альбасете, люди то и дело повторяли ее друг другу. Вскоре Андрес стал знаменит.

«Арбитры стали просить Бало: «Сними его с игры ненадолго, чтобы команды подровнялись, – вспоминает Бруно Мораль, другой член той команды. – Я собственными ушами это слышал. Ты смотрел на его игру и понимал, что он слишком хорош. Ему все давалось очень легко.

ВСЯКИЙ РАЗ, КОГДА МЯЧ «ОБЖИГАЛ» НАМ НОГИ, МЫ
ОТДАВАЛИ ЕГО АНДРЕСУ.

Это и было проблемой, я думаю. Он делает все так просто, и все это выглядит таким легким со стороны, таким не требующим усилий, что мы перестаем осознавать, как же это на

самом деле сложно. Нам думается, что мы тоже так можем. Не-а, никаких шансов! Он играет словно футболист из PlayStation. Он обладал – и до сих пор обладает – периферическим зрением, которое позволяет ему всегда видеть выход из ситуации. Я не знаю, как он это делает. С трибун еще можно увидеть, само собой, но на поле... прямо там? Ни за что. Только он может найти лазейку. Временами кажется, что он ходит по полю пешком: ты смотришь на него и думаешь, что он всегда делает одно и то же, но все равно не можешь отыскать никаких возможностей помешать ему. Порой думаешь: «Тут вот мяч немного далеко ускорился от него, тут он слегка споткнулся, он не контролирует его полностью...» Ничего подобного. Он изменит свою скорость и оставит тебя догонять. Он дурачит тебя, обманывает. Каждый раз.

У детей в матчах бывали такие ситуации, когда они оказывались под прессингом соперника и не знали, что делать с мячом. Все просто: отдай его Андресу, и проблема решена. Он никогда не терял мяч. Всякий раз, когда мяч «обжигал» нам ноги, мы отдавали его Андресу. Он всегда принимал верное решение, всегда делал точный пас. Он позволял нам переиграть эпизод, начав заново. И это уничтожало соперников. Они приходили прессинговать его, вдвоем-втроем гонялись за ним, но он разворачивался и каким-то неведомым способом выходил из ситуации с мячом в ногах. Такой вот прессинг! Что делает его великим, так это то, что он до сих пор вытворяет то, что творил с нами в детстве, и неважно, финал ли чемпионата мира идет или Лиги чемпионов.

Все только и говорят, что о его голе в финале чемпионата мира, и правильно делают. Но вы забудьте про гол, посмотрите, как он играл. Приглядитесь внимательнее. Он отошел на пять метров назад, в точности как делал это в играх с нами в детстве; попросил мяч и начал играть в «стеночки», наслаждаясь своим футболом. Оттуда он и контролировал ход игры. Он каждый раз обводит тебя вокруг пальца. Кажется, что он не силен, но посмотрите на нижнюю половину его тела. Кажется, что он не быстр, но взгляните, как он уходит от соперников. Кажется... забудьте, что вам кажется! Не доверяйте первому впечатлению – Андрес всякий раз будет ловить вас на ошибках. Андрес не выглядел как футболист, а посмотрите, где он теперь».

Жаль, что Бруно не смог быть с ним на этом Олимпе. В конечном счете он забросил футбол. «Я добрался до первой команды «Альбасете» в 16-летнем возрасте, – говорит он. – Но чувствовал себя немного перегоревшим. Я так никогда и не дебютировал. В совете директоров происходили какие-то изменения, за пределами поля то и дело появлялись какие-то проблемы... Я отправился в другие клубы, а мне там даже не платили зарплату первые три месяца. Я играл под нападающими, как Андрес. Раньше это я пасовал ему мяч, а теперь он пасует Неймару, Месси... ха-ха-ха!

Помню турнир в Сантандере: мы тогда играли против «Расинга», в составе которого выступал Хонатан Валье. Каждое такое путешествие было для Андреса сродни Одиссее. Ему становилось плохо, он начинал тосковать по семье, его рвало. В первый день у нас было соревнование по технике, а ему пришлось отказаться, потому что по приезду он чувствовал себя кошмарно и блевал.

К счастью, к началу самого турнира он поправился. Мы играли семь на семь, хотя дальше все пошло совсем не по плану. Перед турниром нам прислали письмо, в котором сообщалось, что мы не имеем права использовать бутсы с шипами. Мы должны были играть в шиповках для искусственного газона, у них были резиновые подошвы. Если я правильно помню, Андрес купил себе синие Umbro, но они были ему слишком велики, и ему приходилось набивать их ватой, чтобы они нормально сидели. А когда мы пришли на поле, оказалось, что там трава. Другая команда явилась в бутсах с шипами. Они все знали, конечно же. Мы проиграли 4: 5, а Андрес забил все четыре наших гола. На следующий год мы туда воз-

вратились и выиграли турнир, но он уже перешел в «Барселону». Мы позаботились о том, чтобы он непременно об этом узнал: «Тебе пришлось уйти, чтобы мы хоть что-то выиграли!»

* * *

Хосе Карлос был вратарем в «Альбасете», и у него есть особый сувенир, оставшийся с тех времен. «Я до сих пор храню письма, которые Андрес присылал мне из «Ла Масии» после того, как перешел в «Барселону», – говорит он. – Тогда текстовых сообщений не было, а Андресу нравилось писать. Мы говорим не о кратких очерках на скорую руку – то были настоящие письма длиной в шесть-семь страниц. Иногда я звонил в «Ла Масию», и мы с ним разговаривали. Мы могли часами провисеть на телефоне, рассказывая друг другу истории. Время от времени я поглядываю на эти письма: ну, знаете. Эмоции переполняют порой.

О чем он писал? Обо всем понемногу: о жизни в Барселоне. «Сегодня мы играли с «Кастельдефельсом» и победили 40: 0. Знаешь что, Хосе? Тут тебе сильно упрощают жизнь: когда приходишь в раздевалку, там уже все разложено. Ни о чем не надо волноваться...» Впрочем, не всегда все было так позитивно. «Хосе, тут сурово. Я очень скучаю по семье. Очень. Это тяжело». Разумеется, было тяжело. Не знаю, справился бы с этим я».

АНДРЕС ОГЛЯДЫВАЛСЯ В ПРОШЛОЕ С ЛЮБОВЬЮ,
ВСПОМИНАТЬ О ДОМЕ ЕМУ ЕЩЕ НИКОГДА ПРЕЖДЕ НЕ БЫЛО ТАК
ПРИЯТНО.

Каждый час был битвой; и с каждым часом, проведенным в «Ла Масии», часы и дни в Фуэнтеальбилье и Альбасете становились в его восприятии все счастливее. Андрес оглядывался в прошлое с любовью, вспоминать о доме ему еще никогда прежде не было так приятно. Он скучал по нему. По тому полю, по игровой площадке. По тем дням.

«Детство я вспоминаю с ностальгией и счастьем, – говорит Андрес. – Я проводил долгие часы на школьной игровой площадке, игры там были бесконечными. По окончании утренних уроков в школе я шел к Хулиану и Абелардо – если не было тренировки в «Альбасете», – и вместе мы устраивали себе матчи. Мы почти всегда играли против ребят старше нас на 3–4 года. Игра была простой: пять пенальти, пять штрафных ударов и пять дальних ударов, которые наносились с центра поля и без вратаря на линии.

Я обожал эти турниры, так же как эти длинные летние матчи пять на пять, которые продолжались, кажется, целую вечность. Нужно было собрать достойную команду, потому что, если гол забивали соперники, ты должен был уйти с поля: оставались на нем только победители, а мы хотели играть. Не хотелось стоять у края поля и мерзнуть. Я с огромным удовольствием участвовал в этих играх.

Против нас всегда играли одни и те же пацаны, и наш соперник всегда был старше нас. Так было лучше. Еще были августовские турниры, проходившие во время деревенских фиест. У нас была крутая команда. И мы очень серьезно относились к матчам; хотели обыграть всех, пусть даже они были выше нас ростом. Мы были очень мотивированы: даже устраивали командный сбор перед матчем. Безумие. Мой кузен и я все записывали на бумагу: счет, команды, мы даже заставляли некоторых ребят проходить просмотры в нашу команду... мы были своего рода мини-профессиональной командой. И это было так весело! Я всегда вспоминаю эти моменты с теплотой: они всегда будут частью меня».

А еще были «домашние» матчи. В буквальном смысле. «Гостиная в моем доме тоже была стадионом, – вспоминает Ману. – Мы делали «мяч» из носков, чтобы сильно не шуметь и не слишком раздражать соседей».

Главной задачей было ничего не разбить. «Когда первая команда «Альбасете» проводила матчи, мы должны были идти смотреть. Но порой мы так увлекались игрой между собой, что начинали искать оправдания, лишь бы только не идти и продолжать играть. «Ой, у меня живот болит»... «Голова раскалывается»... «Нам лучше остаться дома, на всякий случай».

Срабатывало каждый раз. Ну, почти каждый. Так оно и проходило, детство: вместе с детьми из Фуэнтеальбильи. Так продолжалось, пока однажды не вмешался футбол. Серьезный футбол. Переезд в Барселону.

В родном городе было немало тех, кто с неодобрением смотрел на семью Андреса, решившую поддержать его футбольные устремления, и их долгие поездки в «Ла Масию».

«Может показаться странным, но некоторые люди считали нас идиотами, думали, что мы сумасшедшие. Конечно, мы были сумасшедшими, – говорит Андрес. – Мой отец был сумасшедшим, раз верил, что его сын может однажды стать профессиональным футболистом. Аналогично и мама: «Как вы с этим справитесь?» – спрашивали у нее.

Но с чем с этим? Какая разница, даже если ничего не получится в итоге? Что ты потеряешь, если попытаешься? Что бы изменилось, если бы однажды мне пришлось вернуться домой, в родной город, с пониманием, что мне не хватило удачи, чтобы закрепиться там? Ничего из этого не имеет значения, если ты занимаешься тем, чем хочешь заниматься, если делаешь то, что должен. Когда у тебя есть надежда, энтузиазм, когда ты во что-то веришь. Какая разница, если ты делаешь что-то, что искренне любишь и чему отдаешь всю душу?»

Этот маленький мальчик верил в себя; он был убежден, что у него все получится. Он не знал наверняка, где именно, но был уверен, что для него жизнь есть игра в футбол, как это было всегда. Впрочем, он не позволял себе слушать и тех окружающих, кто был далеко не так критично настроен по отношению к нему, а напротив, пытался запрыгнуть в уходящий поезд вместе с ним, этих ребят, составлявших его свиту, странствующий цирк, всюду следовавший за ним по Ла Манче.

Андресу действительно удалось реализоваться. И каждый его шаг изумлял его тренеров. «Я был центральным полузащитником старой закалки. «Пятым номером», оборонительным хавбеком, разрушителем. Всякий раз, когда я получал мяч, я просто хотел поскорее отдать его. Так я видел футбол. А потом увидел Андреса... он всегда знал, что делать. Мне ничего не нужно было ему говорить, – утверждает Катали, один из тренеров Андреса в «Альбасете». – Еще до того, как получить мяч, он знал, что творится вокруг него. Я говорил детям:

– Прежде чем получить мяч, поднимите голову, оглянитесь, оцените, что к чему...

Андресу я такого не говорил; не приходилось как-то. Я смотрю на него теперь, и он до сих пор поражает меня. Мяч еще не пришел к нему, а он уже знает, что случится дальше; он знает кто, где, кого нет, а самое главное, что делать.

Когда он играет за «Барселону» или сборную, я внимательно за ним наблюдаю. «Как, черт возьми, он это сделал?!» Ты просто не понимаешь, как он смог увидеть игру, не говоря уже о том, как он ее ведет».

У АНДРЕСА НЕ БЫЛО НИКАКИХ ШАНСОВ СТАТЬ ВЫСОКОМЕРНЫМ, УЧИТЫВАЯ ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

Катали до сих пор не выяснил это. Это не под силу и Виктору, Хуанону и Бало другим его тренерам в «Альбасете». Они следили за ним тогда, следят сейчас, а он все еще удивляет их. Он, этот мальчик, благодаря которому они ездили по всей провинции Альбасете, словно Бразилия Пеле. «Мы рвали всех. На местном уровне, на уровне провинции... обыгрывали всех подряд. Между нами и остальными была такая огромная разница... Люди говорили: «Какая команда у Катали! – вспоминает тренер. – Но команда была хороша не благодаря мне,

а потому что мальчишки были талантливые. Был, разумеется, Андрес и еще четверо-пятеро других тоже очень хороших игроков. Одним повезло – у них получилось, у других не было такой решимости и стремления. Такова жизнь.

Я сделал Андреса капитаном. В футбольном плане он был лидером. Мне нравится видеть его теперь с капитанской повязкой в клубе; даже нравится смотреть, как он отвечает арбитру. С нами он такого никогда не делал. Ему и с нами-то было трудно разговаривать, что же говорить про судей?!»

Команда Катали летала по полю. А он всегда был рядом, готовясь их предостеречь: «Если решите, что вы лучшие, станете высокомерными и ничего не добьетесь».

У Андреса не было никаких шансов стать высокомерным, учитывая его происхождение. Скромные, работающие родители всегда трудились очень много. «Часто у родителей не хватало денег оплатить счета, но деньги на новые Adidas Predator, которые только вышли, у них нашлись. Почему? Потому что они хотели, чтобы у их сына были лучшие бутсы в округе. Какое им было дело до того, что в следующем месяце им могло не хватить средств на оплату дома, когда их сын был счастлив, играя в футбол в своих новых бутсах?» – говорит Андрес.

Больше Adidas он не носит. Он уже много лет на контракте с Nike. Забавно, какие зигзаги порой выписывает жизнь. Прошло уже десять лет с тех пор, как представители американского бренда увидели то, что видели своими глазами Педро, Виктор, Хуанон, Бало и Катали...

«За очень многое из того, что произошло со мной, ответственны мои родители, – говорит Андрес. – Тогда я не знал, удастся ли мне стать профессионалом. Ты молод, и случиться может всякое. Живешь в маленьком городке. Если ты вырос в маленьком городке, ты знаешь, как там все устроено. Моим родителям приходилось со многим справляться и многим жертвовать. Большим, чем представляют себе люди. Нелегко слышать, как тебя обсуждают люди, видеть, как они смотрят на тебя и осуждают. Я знаю, каково это, и я благодарен родителям. Спасибо вам. Жизнь доказала вашу правоту».

Так что спасибо, Хосе Антонио и Мари. И Ману, он это предвидел. Он произнес это вслух.

«Мой кузен умеет играть, знаете ли. Он хорош, очень хорош. Вам бы на него посмотреть».

III. Брунете

*Поговорите с моим папой, пожалуйста. Поговорите с папой.
Андрес – Альберту Бенайхесу, тренеру*

Огромная рука Альберта Бенайхеса обхватила за плечи маленького Андреса Иньесту.

Год был 1996-й, и Иньеста играл за «Альбасете» в турнире семь на семь в Брунете, что на задворках Мадрида. Участие в Torneo de Brunete, в третьем его сезоне, принимали младшие команды клубов первого испанского дивизиона, и на тех полях внимание людей привлекали своей игрой многие будущие звезды футбола. «Альбасете» тогда даже не должен был участвовать в турнире, но в итоге попал в него потому, что «Сельта» из Виго и «Севилья» покинули дивизион, перейдя под внешнее управление. На тот момент это позволило мальчишкам из Ла Манчи сыграть на стадионе «Лос Аркос» матч всей своей жизни.

После турнира к Андресу подошел Альберт Бенайхес, опытный футбольный скаут с многолетним стажем, тренер, а впоследствии и координатор «Ла Масии», известной на весь мир футбольной академии «Барселоны». Бенайхес хотел поздравить 12-летнего Иньесту, но тот, скорее больше уклончивый, нежели скромный – словно бы он приехал на турнир инкогнито, – почти ничего не сказал в ответ.

Турнир того года был престижнее, чем когда-либо прежде, и престиж этот он обрел стараниями промоутера Кармело Субияура и журналиста Хосе Рамона де ла Морены, работавших на популярном радишоу El Larguero, поздним вечером выходившем в эфире национальной станции Cadena SER. Альфредо Реланьо, руководивший в то время Canal+ TV, тоже помог прорекламировать турнир.

«Поговорите с моим папой, пожалуйста. Поговорите с папой», – повторял Андрес каждый раз, когда его спрашивали, не хочет ли он играть за большой клуб, такой как «Барса», который представлял Бенайхес. Де ла Морена никогда не забудет сцену, которая разыгрывалась в каждом матче, когда Бенайхес искал Андреса.

«Нет, я никогда не разговаривал с его отцом, – вспоминает Бенайхес. – Не было никаких шансов на то, что я подойду к нему в своем спорткостюме с эмблемой “Барселоны”. Все тогда решили бы, что мы хотим подписать с мальчиком контракт».

Поначалу он даже не знал имени своей самой свежей находки. «Мальчик под номером 5 очень сильно выделялся на фоне остальных... своей филигранной техникой, а также удивительным игровым интеллектом», – говорит Бенайхес, вспоминая тот день, когда впервые увидел Иньесту.

«Я направил господина Фабрегаса, официального представителя «Барсы» на турнире, переговорить с отцом игрока. Он был одет в костюм и галстук, но никто не знал, чьи интересы он представляет. «Посмотрите, вон тот человек – его отец. Пойдите и поговорите с ним, сообщите ему, что мы хотим подписать его сына».

«Альбасете» Иньесты, обычно играющий в белом, а иногда в красном, пробился в полуфинал турнира, где уступил «Расингу» из Сантандера, в составе которого блистал Хонатан Валье, ставший одной из главных сенсаций турнира того года.

«Брунете? Ах да, какие воспоминания, – говорит Валье. – Мы одолели «Атлетико Мадрид» Фернандо Торреса в четвертьфинале 3: 1, а в полуфинале разбили «Альбасете» Андреса 4: 2. Я забил три гола. Это был мой, наверное, последний хет-трик в карьере.

Все сложилось просто идеально. Мы играли по схеме 3–2–1, а я был полузащитником, игравшим под форвардом, прямо как Бакеро в «Барсе» той эпохи. Мы здорово провели там время. Мне стали поступать предложения от «Барсы», «Мадрида», «Аякса» и «Арсенала», но я остался в «Расинге».

Тогда для Валье все начало складываться очень стремительно: он тренировался с первой командой «Расинга», когда ему едва исполнилось 14 лет. Он дебютировал в Кубке Короля в 16-летнем возрасте, а два года спустя уже был игроком первой команды в высшем дивизионе.

Но Радомир Антич, экс-наставник «Реала» и «Барселоны», в то время руководивший мадридским «Атлетико», больше заинтересовался Андресом, несмотря на все превосходные таланты Хонатана Валье.

Андреса было нетрудно заметить. Он был капитаном, а потому на руке у него была повязка. В предыдущем году он носил короткую стрижку из-за пари, которое заключил с кузеном Ману. Он хотел походить на «Маленького Будду» – Ивана де ла Пенью, который в ту пору начинал блистать на «Камп Ноу». Немногие могли оторвать взгляд от его прически и игры. В 1996-м стрижка Иньесты привлекала к себе меньше внимания, но зато все обращали внимание на то, как он играет в футбол.

«Мы верили, что можем выиграть турнир, – говорит Андрес. – Мы были очень взволнованы перспективой победы, но нам пришлось утешиться третьим местом. Меня назвали лучшим игроком турнира. Для меня и «Альбасете» этот турнир имел огромное значение».

Хонатан Валье вспоминает: «Выбирать судьям предстояло между мной и Андресом. Он забрал себе награду лучшему игроку турнира, опередив меня всего на один голос, если я правильно помню. А еще он забрал себе приз, которым была поездка в парк развлечений Port Aventura – если увидите его, передайте ему, что он должен мне и моим детям выходной там!» Профессиональная карьера Хонатана Валье так и не стартовала, и в конечном счете он оказался в составе команды свободных агентов, которые тренировались на базе испанской федерации футбола – он перегорел из-за раннего успеха. Он начал альтернативную спортивную карьеру, решив стать боксером, но не преуспел и на этом поприще. Тогда на турнире в Брунете он стоял плечом к плечу с Иньестой у дверей «в рай»: казалось, что успешная профессиональная карьера предначертана обоим.

«Он отправился в «Барселону». Я тоже мог, но решил остаться с матерью, – говорит Валье. – Андрес был гораздо более расслабленным, чем я. Он всегда выделялся. Достаточно было раз увидеть, как он касается мяча, чтобы понять, что он отличался ото всех.

У меня тоже были удачные моменты в футболе, как и у большинства игроков, но он всегда был на виду. Он – лучший испанский полузащитник из всех на моей памяти, кого я только видел. Я бы даже сказал, что лучший за все времена. Что больше всего поразило меня тогда в Брунете, так это его умение взять паузу. В то время оно было таким же, каким остается сейчас. Это было нечто такое, чего не было ни у кого из нас. Помню, как мы играли за сборную Испании на юношеском уровне. Всегда был игрок, которому можно было отдать пас, если ты не знал, что делать. Андрес был таким игроком. Он всегда принимал верные решения. Если у Андреса был мяч, всегда можно было сказать себе: «Расслабься, все будет в порядке».

Он всегда обладал этим даром. Думаю, что он исходит изнутри, – объяснение ему кроется в характере и личности Андреса. Остальные игроки... мы были напряженными, скованными, нервными, мы чувствовали давление. Если же ему нужно было очень быстро взять мяч под контроль, он это делал. Но всегда кажется, что у него больше свободного времени на решение, чем у остальных. В этом и заключается разница между хорошим игроком и гением.

Он никогда не паникует и всегда делает точный пас. Для меня честь быть пусть и крошечной, но частью его истории. Иногда я говорю своим детям: «Я играл с этим монстром».

Хосе Карлос, ныне полицейский, а тогда голкипер «Альбасете», пришедший в команду за неделю до старта турнира, вспоминает: «Моя мама поехала в Брунете, даже не взяв с собой запасной одежды. Все полагали, что после первого же матча мы вылетим. Мы поехали на турнир без багажа и не сняли номер. Каждый день я ходил с Марио в школу, и однажды он

спросил у меня: Нам нужен вратарь, не хочешь им стать? Мы очень мало потренировались вместе. Совершенно точно я был последним, прибывшим в команду. Никогда не забуду голы, которые мне тогда забил Хонатан, но ничто не сравнится с тем, что случилось в четверть-финале, когда мы играли с «Мадридом».

ОН ПРОШЕПТАЛ ЕМУ НА УХО: «СКАЖИ, ЧТО СТОИШЬ
МИЛЛИАРД. ДАВАЙ, СКАЖИ ЕМУ».

Ожидалось, что «Альбасете» ждет на турнире в Брунете печальная участь, однако вот они, мальчишки из маленького провинциального клуба, – противостоят могучему мадридскому «Реалу». «Я получил огромное удовольствие, – говорит тогдашний левый вингер «Альбасете» Карлос, или Карлитос, как его звали все партнеры. – Мы были на турнире по целому ряду причин, но главным образом из-за него [Андреса]. Он был игроком, который вел за собой команду от одного конца поля к другому. А так как я был единственным левоногим игроком в команде, я получал огромное удовольствие от игры с ним рядом. Он неизменно вырезал нам передачи на великолепные позиции. На его игру даже в том возрасте было любо-дорого смотреть. Поля были меньших размеров, и все, что бы ни делал Андрес, со стороны выглядело очень просто.

Мы были на четыре-пять порядков выше остальных. В день, когда мы играли с «Мадридом», нас определили на поле, вокруг которого даже не было трибун, но так как матч собирались смотреть Лоренсо Санс [президент «Реала»] и Радомир Антич [главный тренер «Атлетико»], игру перенесли на самое лучшее поле с трибунами и прочими атрибутами. «Мадрид» изрядно намучился с нами. И да, помню, что родители ехали в Брунете, представляя, что это будет поездка максимум на день! Им пришлось идти в магазины и покупать себе новое нижнее белье, потому что мы далеко продвинулись и остались на турнире надолго».

Ко времени матча с «Мадридом» ажиотаж среди родителей игроков достиг апогея. «Мы прекрасно отыграли групповую стадию, а затем нам выпал «Мадрид» в первом же раунде плей-офф. Родители поверить не могли в случившееся, – восклицает Карлитос. – Но мы заслуживали победы. Мы были одной из лучших команд на турнире в коллективном плане, вдобавок у нас в команде был настоящий зверь. Даже «Мадрид» не испугал бы нас. Дело дошло до пенальти. Реми, один из наших капитанов, исполнил первый удар, потом пробивал Андрес, а после него, третий и последний удар, должен был бить я. Когда я стал подходить к мячу, ужас охватил меня. Они промахнулись только раз».

«Бил капитан «Мадрида», и он не промахнулся, я отбил его удар, – встревает в разговор вратарь Хосе Карлос. – У нас была отличная команда, мы парили на крыльях нашего капитана. Мы были словно братья по оружию. Я до сих пор поддерживаю связь со своими партнерами по команде, у каждого из которых теперь своя жизнь. Нас объединяет тот турнир, время тогда было великолепное – чистый футбол, абсолютная невинность и простодушие спорта».

Шестнадцать лет спустя Хосе Карлос услышит очень необычный телефонный звонок от президента «Альбасете». «Андрес хочет, чтобы вы произнесли речь по случаю открытия нового тренировочного комплекса», – говорил голос в трубке. Он должен быть назван в честь Андреса Иньесты, и Хосе Карлосу предстояло сыграть маленькую роль в церемонии открытия. Он дрожал, переполняемый эмоциями; об этом президента просил не Андрес, его старый партнер по команде, а легенда испанского футбола Иньеста.

«Андреса вы видите куда чаще, чем нас, – начал он, – но никто из нас не изменился так уж сильно с тех пор. Некоторые поднабрали лишний вес, другие подрастеряли волосы на голове, а кто-то вместо дедушкиного Ford Orion приехал сюда на BMW. Но мы все так же вместе, как и раньше. Все, кто смог приехать сюда сегодня, равно как и все, кто не смог,

хотят крепко обнять тебя как можно крепче. В благодарность от всех нас, от старой команды, игравшей вместе на грязном поле Федерации. Добро пожаловать домой, Андрес».

Этих слов было достаточно, чтобы Иньеста слегка наклонил голову и погрузился в детские воспоминания. После совместной фотографии и шуток вроде «Сейчас брюки порвешь» и «Моим коленям хана» настало время для заключительного послания от самого Андреса. «Альбасете» – клуб с корнями, и его корни лежат в академии для молодежи. Именно в этой академии начался мой путь», – сказал он, вновь вспоминая серию пенальти в игре с «Мадридом».

Действительно, Хосе Карлос сделал тогда очень важный сэйв. Правда и то, что сэйв имел бы смысл, только если бы Карлитос реализовал свой удар, и ему это тогда удалось. Три пенальти, три гола – они помогли изменить жизнь Андреса.

«Странно, но по ходу турнира никто не называл его по имени, – говорит де ла Морена. – Видели игру пятого номера «Альбасете»? Посмотрите, что он творит с мячом». Он не был Андресом, точно не был Иньестой. Он был просто пятым номером «Альбасете». Та самая футболка «Альбасете» с пятым номером хранится в доме радиоведущего – ее подарил ему сам Андрес.

Тренер Иньесты в «Альбасете» Виктор говорит: «В четвертьфинале мы обыграли «Мадрид», а в полуфинале к перерыву обыгрывали «Расинг» 2: 1, но в итоге проиграли ту игру 2: 4. Команда у нас была отличная, мы заслуживали победу на турнире».

Андрес говорит: «Я никогда не думал о том, что этот турнир станет ступенькой на пути в команду первого дивизиона. Я никогда не думал о том, что мы доберемся аж до полуфинала. Я просто ехал в Брунете весело провести время».

По словам де ла Морены, самым ярким игроком турнира был Хонатан Валье. «Он ловко жонглировал мячом и напоминал многим Рабадана – мальчишку, ставшего главной звездой предыдущего турнира в составе «Мадрида». Андрес привлекал внимание, но не так, как Хонатан. Люди были очарованы этим парнишкой из «Расинга», забивавшим голы а-ля Марадона.

Однако тренер «Атлетико» Антич всех поставил на место парочкой замечаний, которые я помню до сих пор. «Никто из вас понятия не имеет о футболе, вы абсолютно ничего в нем не смыслите. Лучший игрок турнира – пятый номер «Альбасете»! Пятый номер!» Помню, что поймал себя на мысли: «А ведь он, должно быть, прав». Я начал больше концентрировать внимание на пятом номере «Альбасете». И разумеется, Антич был прав в своих оценках. Пятый номер «Альбасете» в итоге стал звездой сборной Испании, а другой парнишка так ни разу и не сыграл в высшем дивизионе. Он очень убедительно говорил тогда об Андресе: «Смотрите, он никогда не совершает ошибок, никогда не теряет мяч, каждое его решение – верное».

В следующей игре «Альбасете» выбил «Мадрид», и для турнира это был тяжелый удар в каком-то смысле, поскольку все хотели, чтобы «Мадрид» дошел до финала. «Смотрите, смотрите, он [Андрес] никогда не сомневается ни в одном своем решении, – говорил мне Антич. – Он просто концентрируется на игре. Он здесь лучший с большим отрывом».

«Расинг» в итоге стал чемпионом, и настало время выбирать лучшего игрока турнира. Выслушав Антича, я был уверен, что им должен стать Андрес. У нас состоялась встреча, на которой все сошлись во мнении, что лучшим должен быть Иньеста. Я отправился на его поиски в отель Alcala de Madrid, где во время турнира жили мальчишки, участвовавшие в нем. Я приехал в отель и нашел его сидящим на скамейке – ноги едва доставали до земли, – он плакал.

«Что случилось, Андрес?» – спросил я у него.

«Альбасете» вылетел во второй дивизион; они выбыли из Примеры», – сказал он.

Де ла Морена посадил Иньесту и Хонатана Валье в машину и отвез их в студию радиостанции Cadena SER, где их ожидало интервью в эфире программы *El Larguero*.

«Твой отец, Хонатан. Чем он занимается?» – спросил де ла Морена.

«Мой отец возглавляет министерство», – ответил Хонатан.

Настал черед Андреса. «А твой отец, Андрес, чем он занимается?»

«Мой отец каменщик, – ответил Иньеста, – но он бросит работу, как только я стану футболистом. Может, он будет строительным магнатом, не знаю, но я бы хотел, чтобы он перестал лазить по строительным лесам».

На этом разговор не закончился. Время уже было за полночь, а Андрес и Хонатан все еще болтали в студии. Тренер «Альбасете» Виктор в ту ночь заменял Андресу отца. «Не волнуйся, я буду там с вами все время передачи. Просто отвечай на вопросы, как считаешь нужным. Ни о чем не волнуйся», – сказал он Иньесте, чтобы помочь ему справиться с нервами – ведь это было его первое интервью, а слушало его свыше миллиона человек.

«Теперь, Хонатан, скажи, как думаешь, сколько ты стоишь?» – спросил де ла Морена у мальчика из «Расинга».

«Пятьсот миллионов песет», – таким был ответ.

«А ты Андрес?»

Наступила тишина. Ведущий нетерпеливо ждал. «Он выглядел ужасно напуганным, – вспоминает де ла Морена. – Виктор вмешался, опасаясь, что озадаченный юноша ничего не скажет в ответ. Он прошептал ему на ухо: «Скажи, что стоишь миллиард. Давай, скажи ему».

Мальчик из Фуэнтеальбильи ответил не сразу, но свой ответ все-таки дал. Он сказал так, как и просил его тренер: «Я? Миллиард песет».

* * *

«Знаете, в тот день в Брунете я тоже слушал радио, – говорит Санти Касорла, который на том турнире остался незамеченным. Впрочем, его здорово вдохновили игра миниатюрного полузащитника из «Альбасете» и его робкий дебют на радио. – Тогда я впервые прознал об Андресе. Я никогда с ним не разговаривал, но слышал его голос в эфире *El Larguero* вместе с Хосеррой [де ла Морена].

Тогда я был игроком «Овьедо», но мне давали мало игрового времени, потому что собирались избавиться от меня: они считали меня слишком маленьким. В Брунете мы все увидели, что Андрес обладает каким-то особенным талантом. В то время я даже не знал его имени, но он выделялся наряду с Хонатаном Валье, Фернандо Торресом и Диего Леоном».

КЛЮЧ К УСПЕХУ В ФУТБОЛЕ КРОЕТСЯ В ПОИСКЕ И
ВЫЯВЛЕНИИ МОЛОДЫХ ТАЛАНТОВ, ТЕХ, КТО РОЖДЕН ДЛЯ
КАКОГО-ЛИБО ДЕЛА.

Даже несмотря на то что он всегда был скромным мальчиком, Андрес не мог не чувствовать себя важной персоной, сидя перед микрофоном и уже зная обо всех лестных словах, что высказал в его адрес Антич. Также ему польстила похвала Бенайхеса, который подошел к нему после финала, положил руку ему на плечо и сказал: «Если хочешь перебраться в «Ла Масию», ты знаешь, где нас искать». Андрес повторил ему те же слова, что и раньше: «Поговорите с моим папой, поговорите с ним».

Судьба приберегла еще один сюрприз для него, как вспоминает сам Иньеста. «Лучший игрок турнира получал в качестве приза поездку в Порт Авентуру с семьей, а поскольку этот парк развлечений находится неподалеку от Барселоны, мы все отправились в «Ла Масию», чтобы увидеть, как там устроена работа и чем там занимаются люди. Это был важный визит, после которого я совершил большой прыжок в сторону «Барсы»».

Андрес не знал этого, но «Барса» наблюдала за ним еще до турнира в Брунете. Кто-то порекомендовал Ориолю Тарту обратить на Иньесту внимание. «Первосвященник» и легендарный скаут «Ла Масии» получил информацию, что у «Альбасете» подрастает выдающийся молодой талант. Торт позвонил своему другу Мани. «Пожалуйста, сходи посмотри на этого парнишку, о котором мне рассказывают столько хорошего». Посему Мани, как все называют Хермана Вару, опытный экс-скаут «Бетиса», ставший теперь главным специалистом «Барсы» по региону Андалусия, отправился в Пласенсию, чтобы понаблюдать за игроками, принимавшими участие в турнире семь на семь, который должен был там состояться.

«Я составил первый скаутский отчет об Иньесте, – говорит Мани. – Некоторые говорят, что я ответствен за его переход в клуб, но на самом деле первым его увидел в «Альбасете» голландский скаут, который рассказал о нем Тарту. Затем Торт отправил меня в Пласенсию, чтобы я за ним понаблюдал».

Едва Мани начал следить за его игрой, как тут же пришел к мнению, которое и озвучил Тарту: «Я бы подписал его прямо сейчас. Он маленький и весит, наверное, не больше тридцати кило, но он блестяще читает игру». И эти слова были им сказаны, несмотря на то, что, по воспоминаниям самого Мани, «турнир Андрес начал не то чтобы здорово». К концу его, впрочем, он получил награду лучшему игроку, так же как это произойдет несколько недель спустя в Брунете. «Тогда он играл точно так же, как сейчас», – говорит Мани.

Те же габариты, то же мастерство, тот же соблазнительный футбол – только тогда он представлял сборную команду Кастилии – Ла Манчи. Там, в Пласенсии, она уступила Эстремадуре, выигравшей благодаря единственному голу в матче, забитому Хорхе Тройтейро, которому суждено будет стать одним из лучших друзей Андреса в «Ла Масии». Чемпионат же выиграла сборная Каталонии, обыгравшая Кастилию – Леон со счетом 2: 1 в финале. Однако собравшиеся на турнире тренеры и скауты уезжали с него с именем Андреса на устах; мальчика, танцевавшего с мячом и мечтавшего о том, чтобы его отец больше не лазил по строительным лесам.

* * *

Ключ к успеху в футболе кроется в поиске и выявлении молодых талантов, тех, кто рожден для какого-либо дела. Многие годы у «Барселоны» был человек, чьи способности по этой части великолепным образом служили Сесару Луису Менотти, Терри Венейблсу и Йохану Кройфффу. Звали его Ориоль Торт, но в клубе он был известен под прозвищем Профессор.

Наметанный глаз Профессора не единожды сослужил хорошую службу клубу, и в случае с Иньестой, по крайней мере, помог наметанный глаз Мани, который предоставил Тарту такой восторженный и пылкий отчет об игроке, что Тарту даже не пришлось самому ехать в «Альбасете» смотреть на Андреса собственными глазами. Торт всегда умел одним взглядом определить, футболист стоит перед ним или нет.

Жауме Оливе, глава молодежного футбола в «Барсе», вспоминает: «Профессор часто повторял: «Значение имеет первое впечатление, потому что чем дольше ты наблюдаешь за игроком, тем больше дефектов в его игре начинаешь подмечать. Нужно вернуться к тем мыслям, которые посетили тебя, когда ты увидел его в первый раз. Думал ли ты: «А в нем что-то есть. Он мне нравится»?»

Ориоль Торт наблюдал за молодыми игроками, все тренеры и скауты наблюдали за Ориолем. Было достаточно лишь увидеть, как он тушил свою сигарету, чтобы понять, увидел он нового талантливую игрока или нет: если сигарета ярко разгоралась, а он делал глубокую затяжку, можно было быть уверенным, что Торт наблюдает за восходящей звездой. Никто не понимал Торту лучше Оливе. Они вдвоем были отличной командой: делились друг

с другим мнением, а затем непременно заносили их в печатный лист, набивая тексты на старой печатной машинке.

В прежние времена, когда «Ла Масия» еще не имела своего нынешнего высокого статуса, Торт любил пошутить, отвечая на вопросы о том, останется ли он в клубе и дальше. Он говорил, что присутствие в офисе старой примитивной машинки гарантировало и его присутствие в «Ла Масии».

«Профессор, с вами уже продлили контракт?» – спрашивали его коллеги.

«Ну, мой стул и печатную машинку еще не забрали», – отвечал он.

КОГДА ЛЮДИ ДЕРЖАТСЯ С ТОБОЙ РЯДОМ И НЕ ПРЕДАЮТ, ТЫ НАЧИНАЕШЬ ИХ УВАЖАТЬ И ЦЕНИТЬ.

Это был знак – по крайней мере вербальный, – что его будущее определено. В первые годы своей работы в «Барсе» Торт подрабатывал днем продавцом фармацевтических товаров. Он и Оливе были в числе многих тренеров, совмещавших основную работу днем с тренировочной деятельностью в молодежной академии «Барселоны». Он был членом группы добровольцев, среди которых были Пужоль, Кармона и Урсикинио, чьей главной наградой была не финансовая, а эмоциональная главным образом радость открытия игрока, который со временем стал бы членом первой команды, а может быть, даже одной из ее звезд вроде, Гвардиолы, Хави или Иньесты.

«В Брунете моя жизнь изменилась», – говорит Иньеста, и он прав, но без звонка Торты Мани турнир в Брунете никогда не привел бы его в «Ла Масию».

«Я хочу кое о чем порассуждать сейчас, – говорит Андрес, подводя итог своим воспоминаниям о Брунете. – Я знаю, что ему пришлось несладко из-за этого, пусть даже мне он ничего об этом и не говорил. Многие люди говорили о де ла Морене необдуманные вещи. Дело не в том, нравится вам его радиопрограмма или нет, хотя не будет лишним сказать, что он уже многие годы на вершине своей профессии. Дело в том, что людям нужно перестать быть такими лицемерными, я считаю.

Я слышал, как люди говорят: «У тебя всегда есть время пообщаться с де ла Мореной, но нет времени на нас». Это причиняет мне боль. Мы сейчас говорим о человеке, который следил за мной и моей карьерой с тех пор, как мне было 12, когда еще никто не знал, кто я такой. Легко забыть об этом по прошествии 14–15 лет. Де ла Морена был тогда в Брунете, и он никогда не забывал обо мне. И всякий раз, когда меня критиковали, а он считал, что критика несправедлива, он заступался за меня.

Когда я не играл, а он считал, что я заслуживаю места в составе, он говорил об этом. А когда люди держатся с тобой рядом и не предают, ты начинаешь их уважать и ценить. Ему было бы просто следовать тому, что говорило обо мне большинство людей и не высываться. Он не был обязан защищать меня. Но он защищал. И никогда не просил у меня ничего взамен. Я никогда ни о чем не просил его, а он меня. Ты поступаешь тем или иным образом потому, что считаешь, что поступать так правильно, и так он вел себя со мной.

Я не говорю, что все остальные плохо ко мне относились, вовсе нет. Я всегда старался вести себя уважительно и был вежлив, стараясь уделять времени такому количеству людей, какому только мог. Я сейчас говорю об отдельных инцидентах. Просто у меня очень четкие и ясные представления о них. Есть в жизни некоторые мнения и высказывания в твой адрес, которые ты помнишь всегда, так и я никогда не забуду «Хосерру». Он поддерживал меня тогда, когда никто другой этого не делал».

IV. «Ла Масия»

Это правда, худший день моей жизни случился в «Ла Масии».
Андрес

Звучит противоречиво, но такова правда. Так я чувствовал себя в тот день и так считаю до сих пор, словно с того дня совсем не прошло времени. Я чувствовал себя заброшенным и потерянным, как будто что-то вырвали из глубин моей души. Тот момент был одним из самых сложных в моей жизни. Я хотел быть в «Ла Масии». Я знал, что обучение там – лучший вариант для меня и моего будущего. Но мне пришлось пройти через очень горькое испытание, которым стало разлучение с семьей: я больше не мог видеться с ними каждый день и чувствовал, что очень далеко от них. Было тяжело. Решение о переезде было моим, но принять его было очень трудно.

* * *

Спокойствие и безмятежность повествования Андреса вдруг резко прерывают воспоминания о той первой ночи в «Ла Масии» в сентябре 1996 года. Он приехал туда после того, как однажды неожиданно для всех и безо всякого предупреждения спросил у своего отца Хосе Антонио: «Пап, ты еще можешь им позвонить?»

Андрес: «Дело было спустя несколько дней после последнего срока, который «Барселона» выделила нам на принятие решения. Я думал уже, что ничего не получится, но господин Торт сообщил нам, что для нас клуб сделает исключение и нас дождутся, независимо от того, решим мы приехать в этом году или в следующем. Мы приехали в том же году и как раз вовремя. Никогда никто из членов моей семьи не говорил мне, что я должен ехать в Барселону: ни отец, ни кто-либо еще. Я помню, что первым моим днем там было 16 сентября. Занятия в школе уже почти начались, равно как и футбольный сезон. Решение было очень запоздалым, но оказалось правильным».

Решение, может, и было правильным, но последствия его были для Андреса и его семьи какими угодно, только не простыми.

Хосе Антонио: «Почему ты вдруг решил, что хочешь ехать? Почему сейчас?»

Андрес: «Я передумал. Я теперь в подходящем настроении. Я много думал об этом и решил, что нам стоит поехать».

Хосе Антонио: «Когда он сказал: «Пап, давай поедem», я вдруг почувствовал, что что-то внутри меня задается вопросом: «Почему он говорит это сейчас?»

Андрес: «Потому что я был уверен, что этого хочешь ты. Я не мог лишиться тебя этой возможности после всего того, что ты для меня сделал».

С другой стороны, Хосе Антонио был счастлив, но также он был обеспокоен: «Я хотел этого больше, чем он сам. В то же время я страдал от этого сильнее всех».

Никому решение Андреса не далось легко: ни людям в «Альбасете», ни в «Барселоне». Андрес: «Я не хочу никого оскорбить и не собираюсь вываливать грязное белье, я просто хочу высказаться о ситуации, которая сложилась в «Альбасете» перед моим переходом в «Барселону». Я ни на кого не держу обиды. Я всегда благодарен людям, которые мне помогли, и местам, к которым я ощущаю свою причастность. Но отношение некоторых людей к произошедшему мне не по душе. У меня сложилось ощущение, что клуб хотел выставить меня и особенно мою семью в плохом свете. Некоторые люди в клубе говорили очень глупые вещи, которые сбивали с толку окружающих. Мне пришлось потерять две недели, на протяжении которых я не мог играть за «Барсу» потому, что они не оформили до

конца все необходимые бумаги. Я не готов и малейшего упрека высказать в их адрес. И до определенной степени я мог понять их разочарование в связи с уходом одного из их молодых игроков. Но жизнь такова, что ты вовсе не обязан относиться ко всем с добротой и никому не вредить. Я сделал то, что считал наилучшим для себя, и уверен, что 99 % людей поступили бы в моей ситуации точно так же».

Когда семья Иньесты прибыла в «Ла Масию», родители Андреса переговорили с сеньором Фарресом, стоявшим во главе резиденции каталонской футбольной молодежи. Андрес, слегка отстранившийся от происходившего в его жизни в этот момент, гулял по коридорам старого, преисполненного такого символизма здания, вместившего в себя за все эти годы столько детских мечтаний разных его обитателей. Свое путешествие он должен был начать не в одиночестве.

Андрес: «Я помню Хосе, который был в то время вратарем команды U-17. У него были гигантские стопы, а ростом я ему доходил, наверное, до пояса. Он водил меня по «Ла Масии» и все показывал, чтобы я понемногу узнавал, как там все устроено. «Здесь у тебя спальня, здесь еще одна, а тут, Андрес, библиотека». Он говорил, а я не мог перестать плакать. Слезы, слезы и еще больше слез. Я был там телом, но голова и душа мои все еще были рядом с семьей».

Его родители все еще стояли у входа в «Ла Масию» и разговаривали с сеньором Фарресом, пока он ходил по лестницам здания вниз-вверх. «Хосе показывал мне дом так, словно он имел для меня какое-то значение», – говорит он теперь, вспоминая те первые минуты в своем новом странном доме.

«Ну давай, Андрес, успокойся» – так утешал нового рекрута Хосе Бермудес, по его собственным словам. Внушительных размеров голкипер возвышался над маленьким мальчиком, словно гигантская башня. «Он был крохотный, бледный и очень грустный. У меня было такое чувство, будто он думал про себя: где это мои родители решили меня оставить? Я до сих пор очень отчетливо помню этот момент. Я не удивлен, что он не помнит моей фамилии.

Он был очень хилый, совсем тонкий. Ростом по пояс мне? Думаю, что где-то так, да, но Хорхе [Тройтейро] был еще меньше Андреса. Мы все троем стояли в холле. Мне было семнадцать лет, а им обоим по 12. Даже нам самим было несладко там, представьте, каково было Андресу. Ты переживаешь столько моментов одиночества там. Андрес был очень застенчивым; Хорхе был гораздо большим экстравертом, более разговорчивым, он всегда сам вел разговор. Андрес мне понравился с самого начала. Он был таким вежливым и учтивым, очень деликатным и чувствительным».

* * *

«Мы отпустили его в «Ла Масию», а сами вернулись переночевать в отель, – вспоминает отец Андреса Хосе Антонио. – Он был так близко, но в то же время так далеко – может, метрах в 200, в 300 максимум. Одна барселонская улица – улица Материнства – отделяла Андреса от отца, мамы Мари и бабушки по маминой линии. После того как Хосе Антонио в последний раз взойшел по лестницам «Ла Масии» наверх, отведя своего маленького сынишку к двухъярусной кровати, которую тому предстояло делить с Хорхе Тройтейро, и вернулся в отель, семье Иньеста-Лухан тоже предстояло пережить беспокойную и тревожную ночь, полную сомнений и страхов.

Теперь, когда ворота «Ла Масии» затворились, они троем вернулись в свои номера в отеле Rallye, и каждый пошел своей дорогой, не обменявшись и словом. Сказать было нечего. Но Хосе Антонио долго в своем номере просидеть не смог – таким сильным было

давление, которое он ощущал. Он зашел в лифт и спустился в кафетерий, где обнаружил дедушку Андреса, тоже мучавшегося от бессонницы в ту ночь.

«Я думал, я умру, кислорода в номере не хватало. Было ужасно. У меня была паническая атака, – говорит отец Андреса, вспоминая вулкан эмоций, обуявший его в ту ночь. – Я начал паковать вещи, чтобы возвратиться в деревню, но не мог этого сделать без своего маленького мальчика. Если бы не его мать, я бы забрал его домой. Его мать принесла самую большую жертву. Мари всегда говорила мне: «Если он уедет и добьется там успеха, мне придется жить без него шесть-семь лет». Мари теряла его. Хосе Антонио терял его. Марибель, его сестра, теряла его. Андрес терял их всех.

«Знаешь что? Я вернусь в «Ла Масию» и заберу нашего малыша! Я не могу больше терпеть это», – сказал своему тестю Хосе Антонио, убежденный, что он нашел идеального союзника и партнера в нелегком деле переубеждения Мари, чья воля казалась совершенно негибкой. Дедушка Андреса протянул руку помощи Хосе Антонио, а Мари пока даже не знала о готовящемся плане. Вскоре, однако, она о нем узнает.

«Мари, я забираю его обратно. Я прямо сейчас еду в «Ла Масию», я заберу его оттуда! И мы вернемся домой». Надорванный голос Хосе Антонио резонировал в фойе отеля, расположившегося всего в 50 метрах от колоссального стадиона «Камп Ноу». Но Мари, стойкая и сильная мать, помешала его замыслу. Ей удалось сделать это с применением всего нескольких слов – что так типично для семьи Лухан, – но в такой манере, что всем стало ясно: никто, даже ее собственный муж, не заставит ее передумать.

«Если ты заберешь его, ты поступишь как эгоист, – сказала Мари своему обезумевшему супругу. – Ты думаешь не о нем, Хосе Антонио. А тебе следовало бы подумать и о нем тоже. Хотя бы дай ему возможность попытаться. Мы приехали сюда, в такую даль, не для того, чтобы не дать ему даже шанса попытаться».

Когда Мари чувствовала себя самой слабой, она старалась придать себе сил и стать сильнее; по крайней мере, сильнее, чем отец Андреса. Они совершили эту поездку; они должны были воспротивиться хотя бы этому первому искушению повернуть обратно. У всех четверых членов семьи, оказавшихся в одном из маленьких уголков Барселоны, у подножия этого гигантского храма футбола, не оставалось выбора – им предстояло страдать.

* * *

Андрес: «Меня усадили в столовую за стол во время моего первого обеда в «Ла Масии», а я никак не мог перестать плакать. Понятно, что ничего съесть я не смог».

Через улицу от Андреса его отец тоже обходился без обеда. Так же как и его дедушка и мама. Но Мари постаралась сделать так, чтобы ее слез никто не видел: если Андрес плакал при всех, то она рыдала глубоко внутри себя. Никто не увидел и маленькой слезинки в ее глазах в ту ночь. Для никому тогда не известной, одержимой футболом семьи из Альбасете тот вечер в Барселоне выдался грустным – не было ни ужина, ни нормального сна.

«Я не знаю, что было хуже – первая ночь или вечер последующего дня, – говорит Андрес. – Я хотя бы знал, что мои родители здесь поблизости. Я знал, что они были в этом отеле, всего в нескольких метрах от меня. Но я знал, что рано или поздно им придется сесть в машину и отправиться домой, в деревню. Им нужно было возвращаться к своим работам. Они не могли оставаться со мной».

Но он не предполагал, что это случится рано, а не поздно. Семья собиралась оставить сына в Барселоне.

Андрес: «На следующее утро мне предстояло идти в школу. Они ждали меня у ворот «Ла Масии», чтобы составить компанию мне и Хорхе Тройтейро, моему новому однокласснику из Мерида, который был одного со мной возраста».

Никто не говорил о том, что пережил предыдущей ночью. Они все поприветствовали друг друга, как будто ничего и не произошло; словно они до сих пор были в деревне, а Андресу предстояло идти в местную школу. Они все были в Барселоне, но притворялись, словно все еще находятся в Фуэнтеальбилье.

«Мы пришли в школу, и они поцеловали меня на прощание», – говорит Андрес.

Андрес и Хорхе пришли в школу и погрузились в рутину, которая станет привычной для них на долгие годы, но к тому, что произошло в конце первого дня в школе, Андрес был совершенно не готов.

«Я думал, что по пути из школы днем я увижу их, что они будут ждать меня там, – говорит Андрес. – Но когда я вышел, на улице никого не было». Не было ни Хосе Антонио, ни Мари, ни дедушки. Внезапно он остался один, рядом был только Хорхе.

«Теперь, оглядываясь в прошлое, я думаю, что решение было абсолютно правильным, потому что мы избавили друг друга от этого последнего прощания, которое наверняка вышло бы кошмарным.

Я ВСЕГДА БЫЛ ОЧЕНЬ СЕМЕЙНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, НО ТЕ ДНИ
В «ЛА МАСИИ» СДЕЛАЛИ МЕНЯ ЕЩЕ БОЛЬШИМ СЕМЬЯНИНОМ ДО
КОНЦА МОИХ ДНЕЙ.

Теперь я спокойно воспринимаю случившееся; но тогда... нет. Теперь я понимаю: прежде я чувствовал какое-то пренебрежение к себе, словно меня забыли, словно я был брошен».

* * *

«Трудно поверить в это, ведь я находился там всего на неделю дольше Андреса, но я уже привык к новому месту, – объясняет Хорхе Тройтейро, мальчик, сопровождавший Андреса до школы имени Луиса Вивеса. – Вы должны понять, что эта перемена для нас означала. За одну ночь мы перестали быть детьми. Когда мне было 10 или 11 лет, в доме родителей для меня все делали старшие, и полагаю, что Андрес жил точно так же. Родители одевают тебя, водят в школу, всюду ходят с тобой и делают за тебя почти все.

В «Ла Масии» мы приходили со школы, и нас никто не ждал. Нам было по 12 лет. Нам нужно было быстро взрослеть, но не каждый мальчик был к этому готов. Мы прошли путь от жизни детей до жизни в куда более обширной семье – в семье «Ла Масии», – о существовании которой мы до недавних пор даже не подозревали. Внезапно у нас обнаружили новые братья, а поскольку мы были самыми маленькими, нам со всем помогали. За нами приглядывали, но...» Тройтейро не может договорить, потому что память приводит его к воспоминаниям о тех одиноких днях, когда его настроение поднимал только поздний приход Андреса. Для Андреса, с другой стороны, приход из школы и осознание того, что тебя никто не ждет, стали отправной точкой во взрослую жизнь: за мгновение, безо всяких периодов адаптации, он вдруг понял, что теперь живет в совершенно новом для себя мире.

А может, это осознание пришло еще раньше – в машине, ехавшей по дороге из Фуэнтеальбильи в Барселону, в которой три поколения одной семьи – трое взрослых и один ребенок – сидели в молчании, следуя по пути в неизвестность.

Андрес: «Помню, как мы остановились поесть в Тортосе, но никто из нас ничего не ел. Обстановка была такая, будто конец приближался, и все это понимали». Конец. Так они это видели. «Мы знали, что обратного пути нет. А остановившись там перекусить, мы поняли, что находимся уже в пределах Каталонии, так что реально казалось, что повернуть назад мы не можем. Когда кто-то из нас заговаривал, речь шла о какой-то совершенной чепухе, лишённой смысла. Либо же это было началом разговора, который ничем не кончался и никуда не

приводил. Никто не мог вынести боль, которую нам всем предстояло пережить. Но нам приходилось с ней мириться. Я так и не пообедал в Тортосе и так и не поужинал в «Ла Масии».

Теперь, когда Андрес уже сам стал отцом, он, вспоминая те дни, еще выше ценит то, что пережила его семья в тот день. «Раньше я думал об этом только с точки зрения самого себя; переживал то, через что прошел в «Ла Масии», и те эмоции, которые там испытал. Я мог попытаться представить, каково было моим родителям и бабушке, но до тех пор, пока ты сам не станешь родителем, ты по-настоящему не поймешь то, через что им пришлось пройти в то время. Не поймешь, как они страдали, и не почувствуешь то, что чувствовала моя сестра. Теперь, став отцом, я знаю, что понемногу умираю внутри всякий раз, когда провожу день без Валерии или Паоло Андреа или когда не могу видеться с Анной. Когда я думаю о том, что не могу прикоснуться к своей маленькой девочке или к своему малышу, что не могу дотронуться до них хотя бы один раз, я понимаю, что чувствовали мои родители, решившие оставить меня в «Ла Масии». Даже теперь я предпочитаю об этом не думать».

Они уезжали с осознанием, что теперь будут навещать Андреса только раз в месяц, начиная с этого сентября. Жизнь 12-летнего мальчика изменилась кардинальным образом. «Прошли недели, а может, даже месяцы, прежде чем я начал нормально чувствовать себя в этой ситуации и стал привыкать к ней.

Поначалу у меня были проблемы с аппетитом, – говорит Андрес. – Я не хотел разговаривать с родителями по телефону, потому что каждый такой разговор заставлял меня плакать и плакать, вновь и вновь. Но в конечном итоге ты привыкаешь, потому что начинаешь думать, зачем приехал сюда и чего пытаешься добиться. Я хотел быть в «Ла Масии». И как бы плохо мне ни было временами, я не хотел возвращаться домой ни за что. Я должен был остаться там и реализовать свои амбиции: быть в «Ла Масии» и стать игроком «Барсы»».

Подобное упрямство очень характерно для семьи Лухан. Мама Андреса была очень упряма в ту нервную ночь, когда Хосе Антонио угрожал сломать дверь, ведущую внутрь элитной академии «Барсы», стоило только его сыну впервые туда войти. А сам Андрес был упрям, когда в те первые дни сдерживал свои слезы, потерянно бродя по коридорам 300-летнего здания Ла Масия де Кан Планас.

Андрес: «Когда родители приезжали повидать меня, я чувствовал утешение, их приезд и правда помогал мне. Они собирались в дорогу в пятницу, потому что должны были дожидаться окончания занятий в школе, куда ходила моя сестра. Они приезжали в Барселону в районе восьми-девяти вечера. Разумеется, я ждал их подготовленный. Я стоял у дверей, чтобы мы могли, не теряя времени, куда-нибудь пойти. Мы ужинали в баре рядом с отелем, а затем возвращались в их номер, все вместе залезали в кровать и так спали. Мы все делали вместе. Какие замечательные воспоминания!

Потом в субботу, после того как я сыграл в матче, мы могли наслаждаться свободным днем. Отправлялись в кино или гуляли по Барселоне, но к тому времени я уже опять думал о том, что ночь и час, когда они покинут меня, становятся все ближе и ближе. Остановить этот процесс было невозможно. Время летело, а я никоим образом не мог его контролировать. Вначале они приезжали раз в месяц, потом стали навещать меня каждые 15 дней.

Я знал, что после обеда в воскресенье им придется опять возвращаться в деревню. Им нужно было помогать дядьям и бабушкам с баром. По воскресеньям люди в Фуэнтеальбилье обычно ужинают в районе семи-восьми часов вечера, так что к этому времени родители должны были уже вернуться – позже было нельзя. Это значит, что из Барселоны они должны были выезжать в два, три часа дня самое позднее. Когда пробивал этот час, всегда начиналась драма. Казалось, что они так мало времени провели со мной...»

Дни, оставшиеся до их следующего приезда, Андрес тщательно подсчитывал. «Я вычеркивал дни в своем школьном дневнике. Считал дни до Рождества, или Пасхи, или до

летних каникул. Так я и жил из месяца в месяц. Я всегда был очень семейным человеком, но те дни в «Ла Масии» сделали меня еще большим семьянином до конца моих дней.

Мне нравится тот факт, что у меня очень крепкие связи с семьей. Я до сих пор помню первое путешествие родителей в Барселону. У них был синий Ford Orion. Они сказали мне, что приедут где-то к восьми часам вечера, а может, чуть раньше. Я ждал их с семи часов. Где? Я сидел на невысоком парапете вдоль подъездной дорожки, ведущей к «Ла Масии», – где же еще я мог быть? Я провожал глазами каждую проезжающую мимо машину, чтобы увидеть их Ford. И что вы думаете? В тот день им крупно «повезло». Когда они были всего в нескольких километрах от меня, машина сломалась прямо на шоссе, и им пришлось вызывать эвакуатор, чтобы их довезли до Барселоны.

Поломка была досадным неудобством, но что хуже, она означала, что я проведу с ними меньше времени, чем мог бы. Им пришлось заплатить порядка 30 тысяч песет за ремонт, а чтобы достать такую сумму, им пришлось просить сеньора Фарреса, директора «Ла Масии», одолжить им деньги. Бедолаги весь месяц копили деньги, чтобы провести время со мной, а в первый же их визит происходит такая неприятность».

После побывки наступало время заново вкатываться в привычную жизнь. Отец Андреса возвращался к своим строительным лесам, мама становилась за стойку бара, а Андрес возвращался в «Ла Масию». Перед Хосе Антонио Андрес храбрился и старался выглядеть бодрым. «Смотри, пап, я могу протянуть тут год, но насчет двух – не уверен. Но я как-нибудь справлюсь».

Глубоко в душе Иньеста понимал, что ему придется преодолеть свои страхи и утереть слезы. «Канал, пролегающий через нашу деревню, недостаточно глубок, чтобы уместить в себя все слезы, которые выплакал мой внук, – вспоминает Андрес Лухан, четвертый пассажир синего Ford Orion, в тишине путешествовавший в Каталонию. – Никому не пожелаю пережить такое. Слишком много слез, слишком много...»

Андрес остался один-одинешенек. Он провел в «Ла Масии» пять лет: с 12 до 17. То были долгие и трудные пять лет, но ничто не сравнится с той первой ночью, когда даже старые камни «Ла Масии», казалось, проливали слезы по маленькому мальчику из Ла Манчи.

V. Папа

*Я хотел, чтобы мой сын стал тем, кем хотел быть я:
футболистом.*

Хосе Антонио, отец Андреса

Вероятно, Андрес Иньеста стал футболистом потому, что Хосе Антонио им не стал. Никто не приложил больше усилий к тому, чтобы будущий капитан «Барселоны» стал профессионалом, чем его отец, человек, который сам поигрывал в футбол и даже заработал себе прозвище Дани – в честь техничного и хитроумного вингера, выступавшего за «Атлетик Бильбао». Хосе Антонио рискнул стабильностью своей семьи и собственной профессиональной карьерой ради Андреса и всегда внимательным образом следил за каждым новым этапом в карьере сына, начиная с первых просмотров в «Альбасете» и заканчивая «Барселоной». Ему всегда было интересно, видели ли тренеры Андреса его так, как видел мальчика он сам. И каждое лето он переживал одни и те же чувства, терзался одними и теми же сомнениями и лелеял одни и те же надежды.

«С первого дня, когда Андрес присоединился к «Барселоне», я пытался свыкнуться с этой неопределенностью, с незнанием того, что случится с Андресом на следующий сезон. Это чувство не покидало меня даже после того, как он подписал свой первый профессиональный контракт, – говорит Хосе Антонио. – Что если он не задержится там? Что если он им не подойдет? Что если...? Одни и те же вопросы появлялись снова и снова, сколько бы ты ни убеждал себя, что с каждым сезоном он становится только сильнее. Вначале, когда я стал водить его на просмотры, я думал, что у него все может сложиться удачно. Но я не знал наверняка. Это была лотерея. Ты никогда не знаешь точно, никогда не можешь заставить себя поверить, что это *точно* случится, но никогда не теряешь надежды. Я всегда был очень осторожен, может, даже излишне осторожен. Я всегда видел суровую сторону футбола, понимал, насколько это конкурентный вид спорта, как тяжело там преуспеть. Я никогда не разделял взглядов людей, говоривших: «У тебя точно все получится». Я так никогда не говорил. У меня была надежда, само собой. Я надеялся, что однажды мой сын станет тем, кем не смог стать я: футболистом. И эта надежда, мысль об этом превалировала в моей жизни; она стала тем, что поддерживало огонь во мне».

Не все в Фуэнтеальбилье сходились с ним во взглядах. Но всякий раз, когда кто-нибудь сомневался в преданности Андреса идее сделать карьеру в футболе, Хосе Антонио давал им один и тот же ответ: «А кем вы хотите, чтобы он стал? Футболистом? Матадором? Официантом?» Никто не давал никаких ответов, только косо смотрели на меня. Я уверен, они думали, что этот маленький мальчик хотел стать футболистом только потому, что я сказал ему об этом, а не потому, что он сам действительно хотел этого. Футбол был моей страстью – это правда, я всюду водил его на матчи, в любое время, но эта страсть стала и его страстью тоже, причем с очень раннего возраста. Поначалу я просто смотрел на его игру; потом увидел, что он хорош; потом я корректировал его игру после каждого матча. Он выделялся на фоне остальных с самого начала».

Андрес знал, что, как только он сядет к папе в машину после очередной игры, ему придется отвечать на вопросы, которыми отец начинал его забрасывать и выслушивать его оценки своей игры. «Всегда только ради его блага», – говорит Хосе Антонио. «Ему повезло: он любил футбол, эта страсть жила глубоко в его сердце, она была даже сильнее моей, а кроме того, он всегда был очень умен. Он знал – не в последнюю очередь потому, что я сам всегда напоминал ему об этом, – что, несмотря на то, что я говорю ему, он всегда должен слушать своих тренеров. Я повторял ему: «Помни, Андрес, тренер всегда стоит во главе. Ты

можешь быть как угодно крут, но если он говорит тебе одно, а ты поступаешь с точностью до наоборот, ничего хорошего не жди. Понял?» Я никогда не был из тех отцов, которые потакают своим сыновьям, если те не разделяют взглядов тренера, я никогда не говорил ему, что тренер ошибается. Я был ему отцом и наставником, разумеется, но я всегда повторял ему один и тот же посыл: «Если твой тренер говорит «белое», а отец говорит «черное», значит, на самом деле оно «белое».

Долгое время Хосе Антонио был отцом, тренером, консультантом и менеджером. Семье не всегда было легко понять это. Один такой пример – интерес «Барселоны» к Андресу, которого она захотела подписать после турнира в Брунете. «В воскресенье, когда турнир еще шел, они переговорили со мной, затем в понедельник мне позвонил Ориоль Торт, а я передал предложение Андресу, сообщив ему, что ему выпал шанс перейти в «Барселону». Он сказал «нет», но я настаивал: «Андрес, такие шансы надо использовать; больше такая возможность может не представиться». Но он был тверд: «Нет, пап. Я хочу остаться здесь, в городе, вместе со всеми; я тут счастлив. Я никуда не еду». У меня не оставалось выбора, кроме как позвонить господину Тарту и сказать ему: «Послушайте, мне очень жаль, но в данный момент он ехать не готов. Не в этом году, по крайней мере». Андрес провел предсезонку с «Альбасете», а я тем временем не переставал ему напоминать; каждую нашу поездку повторялся один и тот же разговор. Я говорил: «Если скажешь «нет», значит, нет. Но тебе стоит тщательно обдумать эту возможность, Андрес. Они могут больше тебе не позвонить». И так продолжалось каждый день два месяца подряд, пока однажды он не сказал: «Пап, можешь позвонить господину Тарту?»

Поскольку его выбрали лучшим игроком в Брунете, он получил поездку в парк развлечений Порт Авентура в качестве приза, – продолжает Хосе Антонио. – На дворе стоял сентябрь, начались занятия в школе, а с ними и футбольный сезон, так что я спросил у Торта: «У вас еще есть местечко для моего сына?» «Конечно, – ответил он. – Для Андреса местечко найдется всегда». Так что из Порт Авентуры мы поехали напрямик в Барселону. Нам показали «Ла Масию», а мне пошли навстречу, когда я предложил им поставить Андреса на игру с кем-нибудь из ребят, занимавшихся в их академии. Я хотел узнать, на что он способен, хотел убедиться в своей правоте на его счет. После матча мы отправились домой, а несколькими днями позже Андрес сказал мне: «Пап, хочу туда поехать. Еще можно поехать в Барселону? Можешь им позвонить, пожалуйста?»

ЕМУ ПОВЕЗЛО: ОН ЛЮБИЛ ФУТБОЛ, ЭТА СТРАСТЬ ЖИЛА
ГЛУБОКО В ЕГО СЕРДЦЕ, ОНА БЫЛА ДАЖЕ СИЛЬНЕЕ МОЕЙ.

Они поменялись ролями. Теперь сын был убежден в необходимости ехать, тогда как отец начал предупреждать его о возможных трудностях. «Я сказал ему: «Помни, что, если поедешь туда, тебе придется провести там не месяц и не два; тебе придется пробыть там по меньшей мере год». А он отвечал: «Да, год это нормально. Я продержусь там год, обещаю». Потом он сделал первый шаг. Он *сам* сделал его, пусть даже хотел угодить мне, – Андрес всегда думает о других больше, чем о себе самом. Он был таким и в детстве, и остается таким до сих пор, ведь теперь он стал отцом. Я уверен, что он говорил себе: «Если я не поеду, я подведу папу; если он говорит, что этот поезд приходит только однажды, значит так и есть». Он был очень смел. Очень. Я не знаю, сколько 12-летних пацанов поступили бы на его месте так же. Я бы отдал свою правую руку, лишь бы он только поехал в Барселону, потому что хотел, чтобы он играл за лучший из клубов. Но решение предстояло принимать ему».

Трудно решить, кому оно далось труднее: Андресу или Хосе Антонио. Оба страдали, у обоих из головы не выходили слова друг друга, оба находились под давлением. Хосе Антонио думал о своем сыне... о сыне-футболисте. О сыне, играющем в футбол за «Барселону».

Бывали дни, начиная с того самого первого дня Андреса в «Барселоне», когда Хосе Антонио всерьез раздумывал о том, чтобы поехать в столицу Каталонии и забрать своего сына домой, вернуть его в родную Фуэнтеальбилью. Мари, жена, убеждала его не делать этого, но она видела, как сильно он страдает, и это едва не вынудило ее сдаться. «Был момент, спустя где-то недели две после нашего расставания, когда я сказал Мари: «Если все будет продолжаться так, Мари, я поеду и заберу его, я привезу его домой. Иначе тебя ждет депрессия».

Было трудно. Мы ездили повидать его на выходных, но каждое наше прощание было настоящей пыткой. Мари теряла своего сына: она не могла спать, она заходила в пустую комнату Андреса и сидела там. Я старался избавить ее от негативных мыслей и продолжал повторять ей: «Все будет хорошо... другим мальчикам ничуть не лучше. Это как с двоечником в школе. Если бы он отправился в Мурсию на учебу, его бы тоже здесь не было. И я вот что тебе скажу: если он тут останется, будет работать в баре, как-нибудь утром он встанет часов в шесть утра и свалит отсюда с косяком в руке. Тут эта участь ждет всех. Если он останется там, ты будешь уверена, что за ним приглядывают, ты будешь знать, что он учится, играет в футбол. Я не знаю, что лучше: тебе решать. Если ему повезет и все сложится удачно, он сможет объединить семью навсегда».

«Одна из лучших черт Андреса в том, что он все рассматривает через призму семьи, – говорит Хосе Антонио. – Когда в семье напряжение, он разряжает атмосферу; когда появляются проблемы, он их решает. Все мы крутимся вокруг него, все вокруг вращается вокруг его личности. Он всегда в курсе каждой детали, всегда настроен дать нам все, в чем мы нуждаемся; он подходит к проблемам других людей как к своим собственным. Когда я встаю утром, меня в телефоне уже ждет сообщение: «Пап, ты как?» Если бы у меня был другой сын, я не знаю, что бы я сделал; не знаю, вел бы я себя так же. Я никогда не хотел, чтобы Андрес страдал тогда, и не хочу, чтобы он страдал теперь».

Андресу было нелегко ужиться со своим «футбольным» отцом. Андрес, конечно, никогда не скажет этого, но отец это признает. Достаточно будет одного примера: «Однажды я зашел слишком далеко... слишком, слишком далеко, – вспоминает Хосе Антонио. – Шел первый его год в «Ла Масии». Его тренера Урсикинио Лопеса не было, так что на несколько матчей руководство командой взял на себя Рока. Андресу было двенадцать, шел тринадцатый год. В тот уикенд я отправился в Барселону вместе с Мари, просто на пару дней, заодно и на игру Андреса посмотреть. И тогда я обезумел. Когда я смотрел на него, я чувствовал себя курицей, носящейся по курятнику, пока все ее цыплята в беспорядке бегают вокруг. После матча мы забрали Андреса, а когда приехали в отель, я сказал Мари: «Выйди на минутку, я хочу поговорить с Андресом лично». У меня никак не выходило из головы увиденное; я до сих пор не мог поверить своим глазам: он не бегал, он едва двигался, это был совсем не тот Андрес. И я начал отчитывать его...

Я был очень несправедлив к нему. Зачем мне вообще понадобилось это делать? Не было никакой нужды. Дело в том, что я очень сильно завожусь в такие моменты. То, что происходило на поле, не было его виной. Вовсе нет. Я осознал это позже, когда стал размышлять об этом, и потом извинился перед ним. Я повел себя эгоистично. Но в тот день после того разговора мы оба обливались слезами: я тарашил глаза, а он просто сидел тихо, стараясь не заплакать, и, наверное, думал: «Почему мой папа говорит мне такие вещи?»

Когда я увидел его в таком состоянии, я не знал, что мне делать. Я чувствовал себя ужасно. Я не знал, надо ли мне вернуть свои слова назад или сделать что-то другое... а потом я, конечно же, ввязался в перепалку с Мари. Андрес был таким маленьким. Со временем он понял, что мои слова были сказаны ради его же блага. Я всегда был очень прямолинейным, всегда был откровенен с ним. Я хотел, чтобы он учился. Он знает, что я всегда настаивал: чтобы быть футболистом, нужно много и упорно работать, нужно быть честным. Талант

дается природой, но всем остальным нужно работать. Если ты не работаешь, ты усложняешь жизнь своим партнерам. Вас на поле 11 человек, а не ты один. Он это знает. Но я знаю также, что в тот день я зашел слишком далеко. Слишком».

Хосе Антонио Иньеста хочет, чтобы люди знали: его намерения были благими. Просто такой он человек – каменщик, зарабатывавший на жизнь тяжким трудом от зари до зари, он работал каждый день, строя здания в Фуэнтеальбилье, и долгие часы проводил на лесах. Самого себя он называет человеком, «рискнувшим всем ради Андреса».

«Мне повезло, потому что все сложилось благополучно, – говорит он. – Если бы нас постигла неудача, я не знаю, что стало бы со мной. Я мог потерять все. Риск был колоссальным, а шанс на успех – один из ста, один на тысячу. Он уехал от нас 12-летним. Люди спрашивают у меня, почему я не поехал вместе с ним в Барселону. Клуб ведь предлагал мне дом там, а моей жене работу, но я не захотел ехать. «Спасибо, но когда я вернусь сюда, я приеду затем, чтобы насладиться игрой своего сына. Если повезет, конечно. А если нет, я продолжу жить и работать в своем городе, – отвечал я. – Ради чего мне было туда ехать? А если бы в конце того года они сказали Андресу «до свидания», что тогда? Я бы потерял свою работу и там, и здесь. Мы бы превратились в посмешище. Так поступать нельзя. Я знал, что нам придется идти на определенные жертвы четыре года, может, пять лет, что нам придется справляться с трудностями, что ситуация будет сродни тому, что у нас отняли ребенка. Но все, за чем стоит гнаться, дается тяжело».

* * *

Андрес вскоре обжился в «Ла Масии», но страхи Хосе Антонио не исчезли. Теперь он больше переживал не за Андреса Иньесту-сына, а за Андреса Иньесту-футболиста, игрока «Барселоны» и сборной Испании. Как-то раз, во время Чемпионата Европы U-16, на котором Андрес играл просто отлично, а затем травмировался и вынужден был вернуться в Барселону, чтобы пройти курс лечения – у Хосе Антонио случился спор с директором молодежной структуры «Барсы» Хоакимом Рифе.

Переговоры о первом контракте игрока с клубом складывались особенно неприятно. «Меня пригласили на встречу в отель Rallye, – говорит он, – тот же отель, в котором останавливались в ту самую драматичную ночь, когда оставили Андреса в слезах в стенах «Ла Масии».

На встречу пришли Чарли Решак, Жоан Лакуэва и Рифе – люди, стоявшие во главе молодежного футбола в клубе. Предполагалось, что встреча будет тайной, но как только я приехал в отель, я тут же наткнулся на бывшего сальвадорского футболиста «Махико» Гонсалеса, стоявшего у ресепшена отеля. Он сказал мне: «Они вас ждут!» Я только приехал, сильно устал после рабочего дня и долгого путешествия в этом проклятом Ford Orion, который наматывал тысячи километров от Альбасете до Барселоны и обратно с открытыми окнами, потому что кондиционера в нем не было, а стрелка температурного датчика уходила в красную зону – я всякий раз трясся, боясь, что машина сломается где-нибудь на полпути к цели. И вот я услышал его слова и подумал: «Не лучшее начало». Встреча все продолжалась и продолжалась, пока я не сказал, что нам пора уже прекратить ходить вокруг да около.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.